

ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО И МОРСКОГО ДУХОВЕНСТВА.

Цена годового изданія, выходящаго 1 и 15 числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ не менѣе 2 печатныхъ листовъ, 5 р. съ дост. и пересылкою.

За страницу объявленій—10 р.,
1/2 стр.—6 р. и 1/4 стр.—3 р.

Адресъ редакціи журнала:
С.-Петербургъ, Воскресенскій пр.,
д. № 18.

Адресъ о. редактора: *Таври-
ческая ул., д. № 31, кв. 17.*
Телефонъ 201—40.

№ 15—16.

1—15 августа 1913 г.

XXIV г.

ЧАСТЬ ОФИЦАЛЬНАЯ.

Награды.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ соизволилъ къ 11-му Юня сего года—дню освященія Морекого собора въ Кронштадтѣ—сопричислить настоятеля Кронштадтской Морской Богоявленной церкви, протоіерея **Василія Погодина** къ ордену *Св. Анны 2-й степени*.

Состоящему на вакансіи священника при церкви Русской больницы имени ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА Королевы Элиновъ **ОЛЬГИ КОНСТАНТИНОВНЫ**, въ Пиреѣ, іеромонаху **Николаю**, какъ состоящему на службѣ за границу, по представленію Его Высокопреподобія о. Протопресвитера, опредѣленіемъ Святейшаго Синода, отъ 4—13 апрѣля текущаго года за № 3191, примѣнительно къ **ВЫСОЧАЙШЕ** утвержденному 3 Мая 1820 г. Синодальному опредѣленію, пожалованъ золотой наперный крестъ изъ Кабинета ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Награждены набадренникомъ: Священникъ церкви 19-го Сибирскаго стрѣлковаго полка **Теодотъ Галицевъ** (1-го марта сего года) и штатный судовой священникъ крейсера „Паллада“ Балтійскаго моря **Теодоръ Кругловъ** (3 мая сего года).

Награждены скуфьею: Священникъ церкви 11-го Сибирскаго стрѣлковаго полка **Павель Семовъ** (7-го апрѣля) и священникъ 1-го Черноморскаго полка Кубанскаго казачьяго войска **Алексій Ломиковскій** (2-го іюля).

Штатный судовой священникъ учебнаго судна Балтійскаго флота „Двина“ **Стефанъ Ильинскій**, по представленію Харьковскаго Епархіальнаго Начальства, награжденъ Святейшимъ Синодомъ къ 6 мая сего года *камилавкою*.

Приказы по военному вѣдомству.

Мая 19-го дня, № 247.

Военный Совѣтъ, журналомъ отъ 21-го марта 1913 года, положилъ разъяснить:

1) что въ п. 6 прил. VIII къ ст. 361, кн. XIX, С. В. П. 1869 г., изд. 1910 года подъ словами: „членами суда“ слѣдуетъ понимать членовъ полкового или равнаго ему по власти суда;

2) что офицерскіе чины, командируемые въ военные суды изъ мѣстъ постоянного своего квартированія для исполненія обязанностей членовъ ихъ (временныхъ и запасныхъ), а также офицерскіе и классные чины и *военное духовенство*, командируемые въ составъ слѣдственныхъ комиссій и на слѣдствія внѣ мѣстъ постоянного ихъ пребыванія, должны быть удовлетворяемы путевымъ довольствіемъ согласно ст. ст. 165 и 166 кн. XXIV С. В. П. 1869 года изд. 3-е и по прод. 1907 года и правилъ, приложенныхъ къ ст. 165 этой книги (прил. IV);

и 3) что военнослужащіе при вызовѣ ихъ въ качествѣ свидѣтелей на дознаніяхъ, слѣдствіяхъ и во всѣ суды должны быть удовлетворяемы согласно п. 6 приложенія къ ст. 361 и ст. 546 кн. XIX С. В. П. 1869 г. изд. 1910 г. на переѣздъ по паровымъ путямъ перевозочными документами и суточными деньгами за время пути.

Мая 26-го дня, № 252.

Военный Совѣтъ, журналомъ 17-го января 1913 года положилъ:

1) Переименовать *церковь лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка въ соборъ*, при чемъ составъ причта, содержимаго въ настоящее время при означенной церкви по штату № 8 кн. I свода штатовъ военно-сухопутнаго вѣдомства (изд. 1912 года), оставить нынѣ существующій.

2) Сохранить священникамъ, въ томъ числѣ и старшему изъ нихъ какъ настоятелю собора, діакону и псаломщикамъ нынѣ положенное вышеозначеннымъ штатомъ содержаніе, а также оставить безъ измѣненія существующіе отпуска на содержаніе переименовываемой въ соборъ церкви лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка.

Положеніе это Высочайше утверждено 12-го мая 1913 года.

Іюня 6-го дня, № 276.

Военный Совѣтъ, журналомъ 2-го мая 1913 года положилъ:

Измѣнить примѣчаніе 3-е къ ст. 559 кн. VII свода Воен. Постан. 1869 года (изд. 1907 г.), согласно прилагаемому проекту.

Настоящее положеніе и упомянутый въ немъ проектъ Высочайше утверждены 19-го мая 1913 года.

Проектъ измѣненія примѣчанія 3 къ ст. 559 книги VII. изд. 1907 г. Св. Воен. Пост. 1869 г.

Существующее изложеніе.

Примѣчаніе 3-е. Военные священно-церковнослужители увольняются за штатъ какъ по собственнымъ ихъ о томъ просьбамъ, такъ и по распоряженію Протопресвитера, примѣнительно къ уставу духовныхъ консисторій.

Проектируемое измѣненіе.

Примѣчаніе 3-е. Военные священно-церковнослужители, *т. е. священники, діаконы и псаломщики*, увольняются за штатъ какъ по собственнымъ ихъ о томъ просьбамъ, такъ и по распоряженію Протопресвитера, примѣнительно къ уставу духовныхъ консисторій.

Распоряженія о. Протопресвитера.

Исполнявшій пастырскія обязанности на фортѣ „Ино“ запштатный священникъ Финляндской епархіи Александръ **Демянскій** прикомандированъ къ Сергіевскому всей Артиллеріи собору (30 мая).

Исключенъ изъ списковъ военнаго духовенства, за переходомъ на службу въ Туркестанскую епархію, священникъ церкви Приморскаго драгунскаго полка Александръ **Шиллегодскій**.

Къ церкви названнаго полка назначенъ штатный судовой священникъ крейсера „Аскольдъ“ Василій **Бѣлоусовъ**, на его мѣсто перемѣщенъ священникъ церкви 7-го Сибирскаго стрѣлковаго полка Петръ **Антоновъ**; вакансія его предоставлена священнику Иманской военномѣстной церкви Іоанну **Коровкевичу** (5 іюня).

Исключенъ изъ списковъ военнаго духовенства умершій священникъ церкви 30-го Сибирскаго стрѣлковаго полка Леонидъ **Любецкій** († 20 мая).

На вакансію священника къ названной церкви перемѣщенъ священникъ церкви 37 Артиллерійской бригады Николай **Любецкій**, вакансія котораго предоставлена священнику церкви 202-го пѣхотнаго Горійскаго полка Аргадію **Лепарскому**; на вакансію послѣдняго перемѣщенъ священникъ церкви 1-го Черноморскаго полка Кубанскаго казачьяго войска Іоаннъ **Федоровъ**, на его мѣсто назначенъ священникъ Полтавской епархіи Алексій **Ломиковскій** (5 іюня).

Къ *Царскосельскому* собору во имя *Феодоровскія* иконы Божьей Матери, сооруженному для собственныхъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА конвоя и своднаго пѣхотнаго полка, съ *ВЫСОЧАЙШАГО* соизволенія назначены:

Настоятелемъ—протоіерей церкви Собственнаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Своднаго пѣхотнаго полка Николай **Андреевъ**,

на вакансію священника—священникъ церкви Общины сестеръ милосердія во Имя Христа Спасителя Алексій **Кибардинъ**, на вакансію штатнаго діакона—состоящій на вакансіи псаломщика домовою при Протопресвитерѣ церкви протодіаконъ Тимоѳей **Онисимовъ** и на вакансію псаломщика, съ возведеніемъ въ санъ діакона, окончившій курсъ Московскаго Синодальнаго училища церковнаго пѣнія Евгений **Васильевъ** (5—21 іюня).

Для пользы службы перемѣщены одинъ на мѣсто другого благочинные: 3-ей кавалерійской дивизіи, священникъ церкви 3-го гусарскаго Елисаветградскаго полка Павелъ **Щеголевъ** и 8-ой кавалерійской дивизіи, священникъ церкви 8-го драгунскаго Астраханскаго полка Іоаннъ **Анохинъ** (28 іюня).

Опредѣленіемъ Св. Синода, отъ 10—16 мая 1913 г. за № 4136 по примѣру четырехъ предшествующихъ лѣтъ, и въ текущемъ году разрѣшено произвести во всѣхъ церквахъ Имперіи, за всеобщимъ бдѣніемъ и литургіями праздника въ честь усѣкновения Главы Іоанна Предтечи (28—29 августа), тарелочный сборъ на нужды О-ва по призрѣнію дѣтей лицъ, погибшихъ при исполненіи служебныхъ обязанностей.

Предлагается о.о. Настоятелямъ подвѣдомственныхъ мѣстъ церковей оказывать содѣйствіе къ успѣху сего сбора и собранныя пожертванія представить безъ замедленія, чрезъ о.о. Благочинныхъ, въ Комитетъ названнаго О-ва, по адресу: С.-Петербургъ, Фонтанка д. 64, кв. I.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

Къ юбилею Царствующаго Дома Романовыхъ.

Царствованіе Государя Императора Николая Александровича ¹⁾.

Вѣнценосный труженикъ.

(*Рабочій день Государя Императора*).

Рано начинается трудовой день Государя.

Съ 8 часовъ утра, — а когда нужно, то и съ 7 часовъ и даже ранѣе, — жизнь во дворцѣ или Царской ставкѣ начинаетъ бить ключемъ.

Къ 9 часамъ утра Монархъ уже заканчиваетъ Свой легкій первый

¹⁾ Къ юбилейному празднованію трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ книгоиздательствомъ „Сельскаго Вѣстника“ выпущена въ свѣтъ составленная проф. А. Елчаниновымъ книжка, выдающагося значенія, подъ названіемъ: „Царствованіе Государя Императора Николая Александровича“. Благодаря этой книжкѣ, всѣ слои русскаго общества, начиная отъ высшихъ клас-

завтракъ,—простой и умѣренный, какъ и вся Его жизнь—и немедленно приступаетъ, одинъ, къ работамъ въ Своемъ кабинетѣ. Онъ прочитываетъ утреннія газеты, представляемыя Ему телеграммы и сводки всякаго рода свѣдѣній. Все, что только обращаетъ на себя вниманіе, Государь, тутъ же, Самъ отмѣчаетъ, собственноручно занося все нужное, какъ и весь распорядокъ дня, въ записную книжку-календарь, которая всегда находится на письменномъ Его столѣ.

Время съ 10 часовъ и до 11 утра считается какъ бы отведеннымъ, по расписанію, на утреннюю прогулку. Но на самомъ дѣлѣ, отъ 10 до 10^{1/2} часовъ, почти всегда Государь принимаетъ доклады высшихъ приближенныхъ чиновъ Двора; въ этотъ же промежутокъ времени бывають испрашиваемые у Него, а иногда Имъ Самимъ назначаемые, сверхурочные приемы различныхъ сановниковъ или болѣе простыхъ лицъ. Только остающееся затѣмъ до 11 ч. утра время можетъ посвятить Государь Императоръ Своей первой прогулкѣ на воздухъ, въ Собственномъ паркѣ, большей частью одинъ, иногда съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.

Ровно въ 11 часовъ утра Его Величество возвращается во дворецъ и передъ открытіемъ приема съ докладами министровъ и главноуправляющихъ изволить неизмѣнно, почти всегда съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, производить пробу пищи, — поочередно, черезъ день, подносимую отъ лейбъ-гвардіи собственнаго Его Величества пѣхотнаго полка и Собственнаго Его Величества конвоя. Государь изволить всегда отмѣчать Свое впечатлѣніе отъ пробы, для сообщенія соотвѣтственному начальнику части. Сейчасъ же послѣ того начинаются доклады министровъ и главноуправляющихъ. Имъ отведено время до 1 часу дня, когда положенъ завтракъ.

совъ и кончая простонародьемъ, имѣють теперь возможность, кромѣ отрывочныхъ, officialнаго характера свѣдѣній, проникающихъ въ печать объ Особѣ Государя Императора и Его Августѣйшей Семѣ, получить болѣе полное представленіе о своемъ Монархѣ. У насъ въ Россіи, раскинувшейся на необъятныя пространства, съ 170 миллионнымъ населеніемъ, изъ котораго только сравнительно небольшая часть имѣетъ счастье хотя-бы только лицезрѣть Государя Императора и Царскую Семью, подобная книжка положительно необходима. По содержанію своему она дѣлится на 12 главъ, изъ коихъ каждая съ той или иной стороны обрисовываетъ личность Государя Императора, Его высокую дѣятельность, отношеніе къ семьѣ, къ подданнымъ, къ арміи и т. д. Въ первой изъ этихъ главъ приведены краткія свѣдѣнія о Государѣ Императорѣ до вступленія на Престолъ. Слѣдующая глава, озаглавленная „*Высшесносный Труженикъ*“, описываетъ трудовой день Государя.

Для насъ, военныхъ особаго значенія полна глава „*Царь и Армія*“.

Вся глава эта останавливаетъ на себѣ особенное вниманіе военнаго читателя и поднимаетъ его духъ для посильнаго служенія Царю доброму и щедрому.

Въ послѣдней главѣ, заключенной словами нашего народнаго гимна, авторъ, на основаніи всего сказаннаго имъ въ своей книгѣ, говоритъ: „*Россія воплощается въ своемъ Царѣ.—Царь это есть высшее проявленіе пониманія народомъ русскимъ своей судьбы*“.

Завтракъ Государя протекаетъ въ кругу Семьи, которую Онъ зачастую успѣваетъ здѣсь увидѣть впервые за день. Завтракъ подается обильный, но простой и скромный.

Послѣ завтрака, около двухъ часовъ дня и до 3—4 час., возобновляются приѣмы. Иногда представляющихся мало, иногда очень много (напримѣръ, приѣмъ цѣлаго учрежденія, учебнаго заведенія—военнаго или гражданскаго и пр.); иногда, что весьма рѣдко, приѣма нѣтъ совсѣмъ. Только остающееся до 5 часовъ время посвящается второй, дневной, прогулкѣ. Время отъ 5 до 6 часовъ вечера назначено на чай въ кругу Августѣйшей Семьи. Однако, и временемъ чая Государь пользуется для дѣловыхъ бесѣдъ и для чтенія вслухъ, въ которомъ Онъ обладаетъ большимъ искусствомъ и которое чрезвычайно любить.

Что касается самой прогулки, то она протекаетъ весьма различно. Государь ходитъ пѣшкомъ, ѣздитъ верхомъ или на самокатѣ, или какъ это бываетъ въ Петергофѣ, на байдаркѣ по морю. Превосходно управляя вообще веслами, Монархъ часто при этихъ прогулахъ на байдаркѣ имѣетъ Царственнаго Своего Сына на колѣняхъ. Часто также въ этой дневной прогулкѣ Государя сопровождаютъ и другія Августѣйшія Дѣти.

Съ 6 часовъ вечера Государь снова за работой, до обѣда, который подается въ 8 часовъ вечера. Эти два часа Царь проводитъ—или одинъ, что бываетъ, однако, сравнительно рѣдко, или въ дополнительныхъ и сверхурочныхъ приѣмахъ, что случается чаще, министровъ, главноуправляющихъ и пр.

На обѣдъ съ Семейю и бесѣду послѣ него,—такую же какъ и послѣ пятичасоваго чая,—Государь удѣляетъ полтора часа. Отъ 9¹/₂ часовъ вечера снова начинается Царская работа, и сонъ Державнаго Труженика никогда не наступаетъ раньше 12—12¹/₂ часовъ ночи, а весьма часто и много позднѣе.

Никогда, въ теченіе дня, Государь не ложится отдыхать. Весь день хранить Онъ неизмѣнную бодрость, силу воли, никогда не выказывая утомленія. Иногда, если удастся окончить раньше вечернюю работу, приходитъ Онъ къ Императрицѣ, читаетъ Государынѣ вслухъ и дѣлится впечатлѣніями дня за вечернимъ Ея чаемъ. *Молитвою Богу заканчивается этотъ трудовой день, какъ и начинается.*

Наканунъ праздниковъ Государь присутствуетъ на всенощной отъ 7¹/₂ часовъ вечера и въ праздники слушаетъ Божественную литургію—отъ 11 час. утра.

Во всѣхъ дѣлахъ Государь любить русское направленіе, разрѣшеніе ихъ въ духѣ завѣтовъ нашего славнаго прошлаго. Всякій русскій самобытный починъ, всякое проявленіе русскаго народнаго генія—тщательно, Имъ отмѣчаются и поддерживаются. Равнымъ образомъ, дѣла государственныхъ Онъ любить и ищетъ дѣлать черезъ русскихъ людей.

— Я работаю за троихъ. Пусть каждый умѣетъ работать, хотя бы за двоихъ,—сказалъ однажды Государь.

Жизнь Государя и Его Семьи.

Трудовая дѣятельность оставляетъ Государю сравнительно мало времени не только на выѣзды, развлечения и увеселенія, но и на общеніе со Своей Семьей. Тѣмъ нѣжнѣе отношеніе Его къ Семьѣ въ тѣ немногіе часы, когда Онъ всецѣло съ нею.

Хотя Августѣйшія Дѣти и встаютъ такъ же рано, какъ и ихъ Родитель, но утро они проводятъ наверху, а Государь въ нижнихъ покояхъ Дворца и здороваться въ это время Дѣти приходятъ не всегда. Чаще первый разъ вся Семья встрѣчается вмѣстѣ только за завтракомъ. На сонъ же Государь отпускаетъ Своихъ Дѣтей всегда лично, приходитъ прощаться къ нимъ, осѣняетъ ихъ крестнымъ знаменіемъ и цѣлуетъ.

Завтракъ протекаетъ обязательно въ кругу Семьи. *Садясь за столъ, вся Царская Семья осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ, повторяя его и по окончаніи принятія пищи.* Послѣ завтрака и обѣда Дѣти благодарятъ Родителей.

Дневной пятичасовой чай обыкновенно проходитъ также вмѣстѣ съ Семьею, какъ и обѣдъ. Ужина въ Царской Семьѣ нѣтъ совершенно. Время трапезы вообще служить отдыхомъ.

Послѣ обѣда, обыкновенно, Государь, съ отличающимъ Его искусствомъ, читаетъ вслухъ Государынѣ, которая это очень любитъ. Чаще всего избираются русскіе писатели, особенно юмористы, и изъ нихъ всего болѣе Гоголь.

Проводя въ сознаніе русскаго общества, что „только то государство крѣпко и сильно, которое свято чтитъ завѣты своего прошлаго“, Государь Самъ первый чтить это прошлое, усердно занимается его изученіемъ и особенное вниманіе удѣляетъ при этомъ правленію „Типайшаго“ Царя Алексѣя Михайловича.

Историческія бесѣды и чтенія также наполняютъ немногіе досуги Государя въ кругу Семьи.

Въ личной Своей жизни Государь явно высказываетъ тяготѣніе ко всему русскому.

Прислуга при Дворѣ по преимуществу русская. Въ самой пищѣ Своей Государь замѣтно придерживается русскихъ блюдъ.

Въ посты Царская Семья вся ведетъ образъ жизни необыкновенно воздержанный и исключаяющій всякія увеселенія. Въ первую, четвертую и седьмую недѣли поста, а также въ среды и пятницы прочихъ недѣль этого поста изъ ѣды исключается даже рыба. *Благочестіе и чистота, русская душа Царственной Семьи, ея величаво-православный укладъ жизни—сказывается во всемъ.*

Высокообразованная, *глубоковѣрующая*, примкнувшая отъ всего сердца къ православію, одаренная тонкой и впечатлительной душой женщины, проникательная и любящая, *Государыня Императрица Александра Теодоровна* является тѣмъ свѣтлымъ лучемъ, который всего

болѣе согрѣваетъ Ея Державнаго Супруга въ Его великомъ служеніи Своему народу. Образцовая воспитательница и хозяйка, Государыня ведетъ твердой рукой дѣтей Своихъ и Свой домъ. Рѣдко что дѣлаетъ Государь безъ совѣта со Своею Супругою, и Она, въ Свою очередь, высоко ставитъ Его Имя и Его вліяніе во всѣхъ дѣлахъ и въ средѣ Семьи.

Царь-Работникъ не любитъ, такъ называемыхъ, свѣтскихъ удовольствій и приучаетъ къ тому же Свою Семью.

Съ октября 1912 г. пошелъ уже второй годъ, какъ Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Алексѣй Николаевичъ приступилъ къ правильнымъ учебнымъ занятіямъ подъ непосредственнымъ руководствомъ Государыни Императрицы Александры Θεодоровны.

Императрица всѣ Свой досуги посвящаетъ воспитанію Сына.

Цесаревичъ относится къ учебнымъ занятіямъ съ средоточеннымъ вниманіемъ, постоянно задаетъ вопросы, очень быстро соображаетъ и особенно любитъ, когда ему читаютъ вслухъ или рассказываютъ.

Отъ природы очень живой и подвижной, Наслѣдникъ съ увлеченіемъ занимается упражненіями по сокольскому способу и основательно изучилъ военно-подготовительныя упражненія въ предѣлахъ, намѣченныхъ при обученіи „потѣшныхъ“.

Безсмѣнными же участниками всѣхъ развлеченій, игръ и забавъ являются состоящіе при Цесаревичѣ съ младенческихъ лѣтъ: няня М. И. Вишнякова и дядька А. Е. Деревенко (Еремѣичъ), бывший матросъ.

Царскія дочери воспитаны въ правилахъ св. православной русской Церкви и на основахъ прочной домовитости: руководѣе всякаго рода—неразлучно съ ними. Учебнымъ занятіямъ посвящено не менѣе 30 часовъ еженедѣльныхъ уроковъ. Работаютъ Великія Княжны съ утра до 1 час. и съ 4 до 8.

Царь и Армія.

Государь беззавѣтно любитъ Свои войска, и будучи Верховнымъ Вождемъ арміи и флота, лично руководитъ всѣми военными вопросами. Какъ и во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, ничто не минуетъ здѣсь Его зоркаго глаза. Всѣ нужды военнаго люда равно Ему близки, всѣ радости войскъ равно Ему дороги. Зная въ совершенствѣ устройство, размѣщеніе по обширной Россіи и всѣ особенности быта войскъ, Государь необыкновенно близко знакомъ съ исторіей каждой части, съ современнымъ ея состояніемъ, съ ея личнымъ составомъ.

Тѣ же чувства, при большой склонности Государя къ морю, руководятъ имъ и въ отношеніи къ флоту. Какъ и Петръ Великій, Государь держится взгляда, что и сухопутная, и морская силы должны развиваться рядомъ, въ правильномъ взаимномъ соотношеніи. Прививая братство и всеобщее другъ къ другу довѣріе въ войскахъ и флотѣ, Государь заботится о подъемѣ духа, о поддержаніи славныхъ завѣтовъ прошлаго, о внѣшнемъ щегольскомъ и красивомъ видѣ войскъ, при ихъ полномъ до-

вольствѣ и цѣлесообразномъ обученіи,—словомъ, обо всемъ, что создаетъ единую великую вооруженную силу, оплотъ могущества, славы и чести Россіи.

Особенно много сдѣлано послѣ минувшей войны,—въ короткое время больше, нежели когда-либо ранѣ въ долгіе годы.

Вотъ краткій перечень того, на что, по преимуществу, простерлось вниманіе Державнаго Вождя въ работѣ Его надъ усовершенствованіемъ всѣхъ условій жизни вооруженной силы.

Государь Императоръ указалъ, что отъ нравственныхъ и умственныхъ качествъ личнаго состава зависитъ главная сила войскъ.

Сейчасъ же послѣ войны учреждена высшая аттестаціонная комисія, для оцѣнки и выбора лицъ, достойныхъ замѣщать высшія должности. Введены новыя правила аттестованія всѣхъ вообще военнотружениковъ. Для оставляющихъ службу строевыхъ чиновъ установлены усиленные пенсіи.

Чтобы ускорить обновленіе состава начальниковъ—отъ командующихъ войсками въ округахъ до баталіонныхъ командировъ, введенъ предѣльный возрастъ не только для оставленія на службѣ, но и для зачисленія въ кандидаты, а также для назначенія на должности.

Съ 1909 г. увеличено содержаніе строевымъ офицерамъ, въ послѣдствіи распространенное и на другіе роды службы. Положеніе офицеровъ сразу улучшилось. Для расширенія военнаго образованія, академію генеральнаго штаба повелѣно было обратить въ военную академію, дабы имѣть вообще болѣе образованное, въ военномъ отношеніи, офицерство, а не только ту его часть, которая вступаетъ въ генеральный штабъ; указано было требовать, чтобы каждый артиллерійскій капитанъ, передъ полученіемъ батареи, непременно прошелъ курсъ артиллерійской школы; учреждены въ нѣкоторыхъ округахъ особые курсы для штабъ-капитановъ пѣхоты, кандидатовъ въ ротные командиры; учреждены офицерская воздухоплавательная школа, гимнастическо-фехтовальная школа, офицерская желѣзнодорожная школа, офицерскій классъ учебной автомобильной роты.

Для омоложенія состава нижнихъ чиновъ запаса, повелѣно сократить срокъ дѣйствительной службы (до 4 лѣтъ, а въ пѣхотѣ и легкой артиллеріи—до 3-хъ). Запасъ раздѣленъ на 2 разряда и теперь въ 1-ю очередь будутъ поступать въ войска изъ запаса наиболѣе молодые и малосемейные.

Сверхсрочныхъ унтеръ-офицеровъ, какъ ближайшихъ помощниковъ офицеровъ въ обученіи войскъ, образовалось нѣсколько десятковъ тысячъ, благодаря указаннымъ выше мѣрамъ улучшенія ихъ быта.

Огромное значеніе имѣетъ новый уставъ о воинской повинности, который уже введенъ въ дѣйствіе. Въ немъ въ корнѣ улучшены порядокъ разверстки призыва и порядокъ пріема и освидѣтельствванія новобранцевъ, а также опредѣленія льготъ при призывѣ.

Измѣненъ порядокъ перехода съ мирнаго на военное положеніе. Обширныя преобразованія охватили весь военный строй сверху до низу.

Съ конца 1905 г. осуществленъ длинный рядъ отдѣльных мѣропріятій по улучшенію быта нижнихъ чиновъ, съ отпускомъ свыше 30 мил. рублей въ годъ.

Установленъ отпускъ денегъ на обученіе нижнихъ чиновъ грамотности и на устройство для нихъ библіотекъ (книгохранилицъ).

Всего, что сдѣлано за эти годы въ смыслѣ улучшенія быта войскъ, и не перечестъ. Въ области же собственно строевого дѣла, по волѣ Царской, работа велась также съ исключительнымъ напряженіемъ. Пополнены недостатки вооруженія, современныхъ техническихъ средствъ и разнаго рода запасовъ, при чемъ Государь постоянно требуетъ справокъ и отчетовъ о нихъ.

Всѣ строевыя части снабжены пулеметами, вся полевая артиллерія перевооружена новыми скорострѣльными орудіями, образованы запасы телефоннаго, подрывнаго, желѣзнодорожнаго и воздухоплавательнаго имущества; образована особая автомобильная рота и т. п. Особое вниманіе обращено на воздухоплавательное дѣло. Съ первыхъ же шаговъ приняты всѣ мѣры къ заготовленію всего воздухоплавательнаго имущества въ Россіи.

Крѣпости отстраиваются по непосредственнымъ указаніямъ Государя. Въ дѣлѣ снабженія войскъ особаго вниманія заслуживаютъ указанія, какъ можно полнѣе, освободить войска отъ заботы о хозяйствѣ. Устраиваются гарнизонныя хлѣбопекарни, многое сдается частнымъ предпринимателямъ. Вообще Державный Вождь установилъ, что войска прежде всего и главнѣе всего—войска, а не собраніе людей, которые могли бы своими трудами облегчить казнѣ ихъ содержаніе.

Приступлено, по непосредственнымъ указаніямъ Государя, къ возсозданію флота на Балтійскомъ морѣ и усиленію на Черномъ морѣ и въ Тихомъ океанѣ. Отпускъ средствъ на это дѣло Государственною Думою принесъ Державному Вождю нашему особое удовольствіе, какъ Онъ лично соизволилъ высказать это членамъ ея, представлявшимся лѣтомъ 1912 г.

Въ войсковой жизни все русское особенно близко сердцу Государя, вплоть до того, что любимѣйшая его одежда, особенно при нахожденіи за границей, одежда стрѣлковъ л.-тв. 4-го Императорской Фамиліи полка или казаковъ Собственнаго Его Величества конвоя.

О томъ, какъ цѣнить Государь военные подвиги, лучше всего могутъ свидѣтельствовать Его просьбы ко всѣмъ, кто во время войны съ Японіей стоялъ на стражѣ чести и достоинства Россіи въ Маньчжуріи, быть воспреемниками при Св. Крещеніи Малютки-Наслѣдника.

Нужды начальствующаго состава войскъ всегда находятъ откликъ въ Царскомъ сердцѣ. Заботливое отношеніе Государя Императора начинается съ первыхъ мгновеній сознательной жизни молодого офицера и затѣмъ сопровождаетъ его всю жизнь.

Государь лично производитъ въ офицеры оканчивающихъ военныя училища и лично напутствуетъ ихъ Своимъ наставленіемъ.

Государь слѣдитъ за жизнью слугъ Своихъ, всегда узнаетъ тѣхъ изъ нихъ, которые хотя разъ имѣли счастье лично представиться Ему. Нерѣдки случаи награжденія генераловъ и офицеровъ Самимъ Государемъ по докладу или по инымъ полученнымъ свѣдѣніямъ о той или иной заслугѣ ихъ. Часто Государю доставляетъ особую радость сообщить представляющемуся Ему заслуженному старику-отцу о томъ, что Монарху извѣстно про его сына или сыновей-офицеровъ хорошее отъ ихъ начальства.

Въ дни полковыхъ праздниковъ, начальствующія лица всѣхъ степеней приглашаются послѣ смотровъ во дворецъ, гдѣ послѣ трапезы, Государь и Государыня обходятъ ихъ и съ каждымъ изъ нихъ, отъ старшаго генерала до младшаго оберъ-офицера, находятъ предметъ для разговора.

Многіе имѣютъ счастье получать благословеніе Государя на свадьбахъ, считать Его восприемникомъ дѣтей при крестинахъ. Государь отмѣчаетъ также всѣ доходящія до Него утраты въ составѣ великой русской военной семьи, нравственно поддерживая осиротѣлыхъ женъ и дѣтей, выказывая всѣ знаки вниманія къ почившимъ и не только возлагая вѣнки на гробъ или посылая Своихъ представителей на похороны, но часто и прибывая лично отдать послѣдній долгъ усопшимъ. Денежная помощь осиротѣлымъ семьямъ военныхъ составляетъ одинъ изъ видовъ покровительства, какъ и заботы объ устройствѣ судьбы вдовъ и облегченія условій воспитанія и образованія сиротъ-дѣтей.

Память многихъ славныхъ героевъ-начальниковъ увѣковѣчена дарованіемъ ихъ именъ частямъ войскъ. Эта милость коснулась и героевъ послѣдней Русско-Японской войны.

Не менѣе трогательно отношеніе Царя къ нижнимъ чинамъ. Государь всемѣрно бережетъ достоинство русскаго воина, который, по Его понятіямъ, долженъ быть прежде всего „христолюбивымъ“.

Лично провѣривъ на себѣ ношу нижняго чина, стрѣлка 16-го стрѣлковаго полка, Государь повелѣлъ зачислить себя въ списки 1-й роты этого полка, получивъ и соответственную книжку изъ роты. Пользуясь всякимъ случаемъ ближе ознакомиться съ войсками, Государь широко развилъ посѣщеніе смотровъ, учений и маневровъ, гдѣ лично бесѣдуетъ съ нижними чинами, давая имъ отеческія наставленія, благодарить за службу, за блестящія смотры и выдаетъ денежныя и иныя награды.

При отправленіи на войну, Государь лично провожалъ войсковыя части, дѣлая для этого даже дальнія путешествія. Части эти Онъ благословлялъ Собственоручно иконами.

О всякомъ подвигѣ нижняго чина въ мирное время,—часового, караульнаго, конвойнаго, пограничной стражи,—доводится до свѣдѣнія Царя, и ни одинъ подвигъ не остается безъ Царской похвалы или награды.

Подвергнушіеся первому нападенію японцевъ, безъ объявленія войны, экипажи погибшихъ геройской смертью крейсера „Варягъ“ и канонерской лодки „Кореецъ“ были награждены Георгіевскими крестами и приняты обѣдомъ въ Царскихъ покояхъ, въ Зимнемъ Дворцѣ. Государь весь обѣдъ не садился; какъ истый русскій хозяинъ, обходилъ Онъ Своихъ дорогихъ гостей, бесѣдовалъ съ ними. Ему сопутствовала Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна“...

Жизнь и смерть ¹⁾.

Въ день священной памяти Успенія Божіей Матери прилично и намъ, други мои, поразмыслить о томъ, что такое наша жизнь земная, и что такое смерть, этотъ неизбѣжный удѣлъ каждаго изъ смертныхъ. Закрывать глаза предъ этими вопросами мы не можемъ, не имѣемъ права, если хотимъ прожить жизнь осмысленную и честно — праведно окончить ее.

Въ исторіи мысли и жизни человѣческой было и есть особое направленіе философское, извѣстное подъ именемъ пессимизма, которое считаетъ зломъ самое бытіе, самую жизнь человѣка, и въ смерти, въ небытіи полагаетъ все его счастье. Былъ и у насъ въ Россіи великій поэтъ народный, который подъ вліяніемъ названной пессимистической философіи, а можетъ быть скорѣе подъ вліяніемъ собственныхъ жизненныхъ неудачъ, поучалъ въ извѣстныхъ стихахъ русское общество, называя жизнь *даромъ напраснымъ, даромъ случайнымъ* (Пушкинъ). Впрочемъ, подъ вліяніемъ урока великаго святителя Московскаго Филарета, измѣнилъ свой мрачный взглядъ на жизнь. Что въ нашемъ современномъ обществѣ русскомъ продолжаетъ и доселѣ жить мрачный, полный отчаянія, взглядъ на жизнь, объ этомъ краснорѣчиво говоритъ современная эпидемія самоубійствъ, особенно среди молодежи, особенно въ большихъ городахъ. Большинство несчастныхъ самоубійцъ въ оставленныхъ ими письмахъ и запискахъ жалуются на тяжесть жизни, находятъ ее бессмысленною и безцѣльною, думаютъ, что въ смерти счастье и покой, по крайней мѣрѣ, конецъ всѣмъ земнымъ страданіямъ, мукамъ и разочарованіямъ.

Конечно, если смотрѣть на жизнь только съ точки зрѣнія ея земной цѣнности, со стороны земныхъ, чисто житейскихъ, удачъ или неудачъ, то философія мрачнаго взгляда на жизнь, можетъ быть, имѣеть въ опытахъ жизни и нѣкоторое для себя оправданіе. Въ самомъ дѣлѣ, жизнь человѣческая начинается плачемъ младенца и кончается стономъ умирающаго. Уже на первыхъ порахъ своей земной жизни человѣкъ, хотя и живетъ жизнью еще безсознательною, но и тогда онъ испытываетъ уже на себѣ разные болѣзненные уколы, разнаго рода недостатки,

¹⁾ Изъ поученія на 15 августа.

бѣды и скорби. А когда онъ начинаетъ жизнь сознательную, эти уколы жизненные становятся для него все болѣе и болѣе чувствительными, ибо поражаютъ они и тѣло, и душу. Правда, пока человѣкъ молодъ, полонъ жизненныхъ силъ и высокихъ надеждъ и чаяній, онъ испытываетъ извѣстную долю человѣческаго счастья, видитъ и сознаетъ, какъ постепенно совершается его ростъ духовный, видитъ и переживаетъ осуществленіе нѣкоторыхъ своихъ свѣтлыхъ идеаловъ и надеждъ; но тутъ же скоро-скоро замѣчаетъ, какъ недостаточными оказываются его силы въ борьбѣ съ жизненными препятствіями, какъ малы и ничтожны его успѣхи въ сравненіи съ потраченными для сего силами и средствами, какъ вообще кратковременно и непрочно то, что носить имя человѣческаго счастья. Скоро затѣмъ человѣкъ начинаетъ испытывать недостатокъ матеріальныхъ средствъ и незамѣтно вступаетъ, втягивается въ борьбу за существованіе, въ борьбу изъ-за куска насущнаго хлѣба. Мы знаемъ, какъ эта страшная борьба превращаетъ иногда самаго высокаго идеалиста въ самаго мелкаго эгоиста-торгаша, и тогда, разумѣется, прощайте свѣтлыя надежды, высокіе идеалы и задачи—все приносится въ жертву ненасытному молоху человѣческой сытости и самаго шаблоннаго мѣщанскаго благополучія. А, вѣдь, всѣ эти внутреннія переживанія не всегда же только скользятъ по поверхности души человѣческой, нѣтъ, они иногда попадаютъ въ самую глубь человѣческаго сознанія, и тогда они отравляютъ все существованіе человѣка, а болѣе впечатлительныя природы заставляютъ нерѣдко закрыть на все глаза и броситься въ бездну небытія... Конечно, не всѣ такъ кончаютъ жизнь, большинство мирится съ нею и живетъ, не испытывая внутреннихъ терзаній отъ несоотвѣтствія своей жизни требованіямъ долга, идеала, или просто приличія. Но, въ какія бы сдѣлки человѣкъ ни вступалъ въ жизни, чтобы украсить и продлить эту послѣднюю, а все же близокъ и конецъ ея, и этотъ конецъ, вопреки всѣмъ расчетамъ и надеждамъ человѣка, наступаетъ иногда весьма быстро, неожиданно-негаданно. Ну, какъ тутъ удержаться отъ того, чтобы не задуматься надъ цѣнностью жизни, и не привѣтствовать смерть, конецъ бытію человѣка!

Впрочемъ, будемъ справедливы. Нельзя не сознаться, что бываютъ въ жизни и счастливыцы. Зависитъ это отъ того, гдѣ, когда, отъ кого и при какихъ условіяхъ человѣкъ родился, выросъ и началъ свою жизнь. Бываетъ, что удачная наличность всѣхъ этихъ условій дѣйствительно дѣлаетъ человѣка, съ обычной точки зрѣнія міра, счастливымъ. Но рядомъ съ этими баловнями счастья живутъ вѣдь и неудачники, несчастные люди, присутствіе которыхъ уже невольно мѣняетъ картину счастья первыхъ. Съ другой стороны, и самая разница между счастливыми и несчастными не по существу дѣла, въ существенномъ всѣ они — и счастливые и несчастные — сходятся. Не новость, а истина избитая, что и черезъ груды золота слезы льются. А сознаніе того, что всякое земное счастье кратковременно и непрочно, что отъ смерти никакими сокровищами откупиться

нелзя,—все это настолько понижаетъ цѣнность счастья т. н. счастливецъ, что сами они завидуютъ тѣмъ, которыхъ мы называемъ несчастными среди своихъ собратій. Замѣтимъ здѣсь кстати: вѣдь, изъ людей едва ли кто вполне доволенъ своимъ настоящимъ положеніемъ, всякому хочется лучшей доли, чѣмъ та, которою человѣкъ уже пользуется. Такимъ образомъ, сами счастливыцы міра не находятъ себя счастливыми, если желаютъ иного, лучшаго счастья. Вотъ какова жизнь земная съ точки зрѣнія людей даже счастливыхъ. Какъ видите, среди людей совсѣмъ нѣтъ или очень мало довольныхъ жизнью, а больше такихъ, которые постоянно стоютъ и жалуются на свою судьбу земную, нерѣдко проклинаютъ ее и, дѣйствительно, въ смерти хотѣли бы видѣть избавленіе отъ тяжелой доли своей, въ небытіи навѣки забыться, чтобы болѣе никогда не испытывать ни болѣзней, ни печали, никакихъ тревогъ и суеты земной.

Нужно ли говорить о томъ, что такой взглядъ на жизнь не христіанскій, несправедливый, обидный для Бога, виновника жизни, и для чести самого человѣка, какъ существа богоподобнаго. Жизнь есть великій даръ Божій, она дана намъ для устроенія на землѣ царства Божія, царства истины, свѣта, добра, правды и красоты, она дана намъ для того, чтобы мы познали Творца вселенной въ Его дѣлахъ, а въ своихъ дѣлахъ явили возможную полноту нашей богоподобной личности и приготовили себя здѣсь, на землѣ, для иной жизни, для вѣчной жизни за гробомъ. Каждый человѣкъ обязанъ положить *свой* камень въ великое зданіе царства Божія въ мѣру силъ и способностей, полученныхъ отъ Бога и разработанныхъ путемъ образованія, труда и нравственнаго подвига (Мѡ. XXV, 14—30). И никто не имѣетъ права отказаться отъ этой работы святой, къ ней призывается человѣкъ съ ранняго утра его жизни и до поздняго вечера (смерти); *праздность* здѣсь недопустима, преступна (Мѡ. XX, 1—7). Правда, не всѣ люди начинаютъ свою работу для царства Божія съ ранняго утра ихъ жизни, и только въ единонадесятый часъ приступаютъ къ ней; но Господь такъ добръ, что и запоздалыхъ дѣлателей пріемлетъ и не лишаетъ награды, какъ и тѣхъ, кои начали трудиться въ Господнемъ вертоградѣ съ ранняго утра. Господь одного хочетъ, чтобы всѣ были за работой Господней, чтобы праздность не губила людей и не лишала ихъ вѣчной награды въ царствѣ славы, чтобы среди людей не было тѣхъ *лукавыхъ и лѣнивыхъ* рабовъ, которые по причинѣ праздности и безпечности зарываютъ свой талантъ въ землю и лишаются радостей вѣчно-блаженной жизни (Мѡ. XX, 6. XXV, 24—30). Богъ не хочетъ смерти грѣшника для вѣчности, но еже обратится и живу быти ему, потому что Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ: въ царствѣ Сына Божія и въ царствѣ вѣчности Отца Небеснаго всѣ должны быть живы и по тѣлу, и по душѣ; — по тѣлу чрезъ чудо всеобщаго воскресенія, по душѣ Духомъ Святымъ, Имъ же всяка душа живится и возвышается чистотой до единенія съ Святою Троицею, а, вѣдь,

въ этомъ единеніи и состоитъ вѣчная жизнь человѣка (2 Петр. III, 9. Мѡ. XXII, 32. Іоан. V, 21—29, VI, 57, XVII, 21—24).

Вы видите, други мои, что при евангельскомъ взглядѣ на жизнь эта послѣдняя не обрывается смертію для того, чтобы человѣкъ только въ сырой могилѣ нашель конецъ всему, конецъ своей жизни и всей своей земной трагедіи. Напротивъ, евангельскій взглядъ въ жизни человѣка видитъ именно *жизнь*; здѣсь, на землѣ—начало ея, за гробомъ—нескончаемое продолженіе, здѣсь—подготовительную и созидательную работу для развитія царства Божія, тамъ, за гробомъ—радостное наслажденіе плодами своихъ трудовъ и дальнѣйшее развитіе началъ богоподобной личности въ общеніи съ святою Троицею, развитіе уже безпрепятственное, безъ уклона въ сторону грѣха, ибо въ царствѣ вѣчности грѣху мѣста не будетъ, развитіе полное, въ мѣру возраста Христова. (Мѡ. V, 48. Рим. XIV, 17. Апок. XXI, 27. I Кор. XIII, 12. Ефесеян. IV, 13).

Скажутъ: что же это за жизнь—трудиться весь свой вѣкъ земной только для царства Божія, гдѣ же тѣ радости, безъ которыхъ жизнь земная превращается въ какую-то мастерскую, гдѣ люди принуждены работать только на другихъ; гдѣ то счастье, которое все же скрашиваетъ трудовую жизнь человѣка? „Дайте намъ жизнь, полную счастья, радостей земныхъ, земныхъ удовольствій“, твердятъ и твердили всегда люди, для которыхъ весь кругъ интересовъ ограничивается лишь землею. „Не надо намъ вашего Евангелія, оно слишкомъ скучно, оно слишкомъ высоко и недоступно намъ, дайте намъ такое ученіе, которое было бы по силамъ нашимъ, а главное—не лишало бы насъ радостей земныхъ“, говорятъ и пишутъ нынѣ люди земли.

Евангеліе никогда не лишало человѣка радостей и благъ земныхъ; оно только не въ нихъ полагаетъ цѣль и смыслъ жизни. Исканіе царства Божія и правды его—вотъ та цѣль, какою Евангеліе осмысливаетъ жизнь человѣка; а всѣ блага и радости земныя оно даетъ человѣку, какъ приложеніе, какъ заслуженную награду земную за исканіе прежде всего царства Божія (Мѡ. VI, 33). Вся наша бѣда въ томъ и заключается, что мы въ заповѣди Спасителя дѣлаемъ непозволительную перестановку, т. е. ищемъ прежде всего не царства Божія, а „сія вся“, радостей, удовольствій, благъ земныхъ, и не находя, бранимъ жизнь, рошчемъ на Бога, бѣснуемся отъ неудовлетворенности и злобы и—кончаемъ жизнь весьма часто не по—хорошему. Между тѣмъ, начини мы свою жизнь съ чего слѣдуетъ, съ исканія прежде всего царства Божія, съ нами несомнѣнно будутъ и радости жизни, хотя быть можетъ не въ той мѣрѣ, какою пользовался евангельскій богачъ, веселяся по вся дни свѣтло, а въ болѣе скромной, какою указываетъ Апостоль, но будутъ несомнѣнно (Мѡ. VI, 33. Лук. XVI, 19. I Тим. VI, 8. Псал. XXXVI, 16. Псал. 111. Псал. 127 и др.). А если искателя царства Божія и праведности и постигнуть скорби земныя, онъ не станетъ роптать на Бога и на судьбу свою, онъ знаетъ, что *отъ дней Іоанна Крестителя и до*

нынѣ царство Божіе нудится, силою берется, путемъ креста и самоотверженія; онъ знаетъ, что всё, желающіе жить благочестиво во Христѣ Иисусѣ, обычно бываютъ гонимы (Мѡ. XI, 12. XVI, 24. 2. Тим. III, 12). Но онъ знаетъ также и увѣренъ, что если и многи скорби праведнымъ, но отъ всёхъ сихъ избавить Господь, что сѣявшіе со слезами будутъ пожинать съ радостію, что печаль наша христіанская въ концѣ-то концовъ въ радость будетъ, и этой радости нашей никто не отниметъ отъ насъ (Псал. 125, 5. Іоан. XVI, 20. 22). Наконецъ, искатель царства Божія при высокомъ своемъ, идеальномъ настроеніи, хотя и будетъ испытывать недостатокъ или утрату земныхъ радостей и благъ, сумѣетъ лучше страдать, чѣмъ имѣть временную грѣха сладость (Евр. XI, 25). Но онъ никогда не подниметъ на себя преступныхъ рукъ, онъ будетъ ждать терпѣливо конца дней своихъ, по оному слову: претерпѣвый до конца той спасенъ будетъ (Мѡ. XXIV, 13).

Таковъ евангельскій взглядъ на жизнь. Но если люди мрачнаго взгляда на жизнь видятъ въ смерти для себя благо, конепъ всёмъ земнымъ страданіямъ, то евангеліе смотритъ на смерть какъ на зло, какъ на врага рода человѣческаго: смерть есть наказаніе, возмездіе за грѣхъ (Рим. V, 12, VI, 23. 1 Кор. XV, 25). Такъ какъ смерть полагаетъ конецъ всякому труду, всякимъ планамъ и предположеніямъ человѣка, разрушаетъ нашу храмину земную и возвращаетъ ее въ землю, въ прахъ, лишаетъ насъ всёхъ земныхъ благъ и радостей и приводитъ туда, откуда нѣтъ возврата, то люди боятся смерти, какъ самаго страшнаго врага (Псал. 145, 4. 1 Кор. V, 1. Быт. III, 19. 2 Тим. VI, 7. Іов. X, 21. Евр. II, 15). Да и странно было бы не бояться смерти, если мы знаемъ и вѣримъ, что за смертію тотчасъ слѣдуетъ судъ Божій надъ нами (Евр. IX, 27). Не бояться смерти—значитъ не бояться правосудія Божія, ибо страшно впасть въ руки Бога живаго (Евр. X, 30—31).

Конечно, есть на свѣтѣ люди, которые, повидимому, не боятся ни смерти, ни суда; но эти люди или по легкомыслію, или по нравственному ожесточенію не боятся смерти и суда, за нихъ приходится страшиться другимъ. Развѣ не страшно за человѣка, когда онъ, закрывши глаза, бѣжитъ къ пропасти, откуда спасти его нѣтъ никакой возможности? Точно такъ же страшно и за тѣхъ несчастныхъ людей, которые, утративъ вѣру въ загробную жизнь, махнувъ рукою на свою вѣчную участь, бросаются въ объятія смерти, думая найти въ ней конецъ земнымъ страданіямъ, свой вѣчный покой. Несчастные, они забываютъ, что ихъ невѣріе, отрицаніе загробной жизни еще не уничтожаетъ эту послѣднюю. Можно въ ослѣпленіи отрицать какой угодно фактъ, но, вѣдь, онъ существуетъ независимо отъ нашего признанія, или отрицанія. Отрицали же люди шарообразность земли и ея движеніе вокругъ солнца и даже предавали смерти тѣхъ, кто такъ мыслилъ и училъ, но тѣмъ не менѣе земля все же шарообразна и вертится вокругъ солнца. Всячески издѣвались люди надъ проповѣдникомъ покаянія и всемірнаго потопа, Ноемъ,

и не допускали мысли, что будетъ всемірный потопъ, ѣли, пили, женились, выходили замужъ до дня, пока дѣйствительно вода не потопила всѣхъ, кромѣ Ноя и его семьи.

Вотъ почему мы допускаемъ, что отрицатели загробной жизни, если и высказываютъ свою непоязнь предъ смертію, то дѣлаютъ это неискренно, а скорѣе хотятъ убаюкать себя, усыпить, утѣшить, что, молъ, зачѣмъ бояться смерти, если тамъ, за предѣлами ея, нѣтъ ничего. На самомъ же дѣлѣ они очень боятся смерти и участи загробной. Смерти боятся всѣ люди, и этотъ страхъ, смертный страхъ естественный, доколѣ не испразднится послѣдній врагъ человѣческой—*смерть* (1 Кор. XV, 26). И чѣмъ беззаконнѣе люди проводятъ жизнь, тѣмъ болѣе они страшатся смерти, ибо грѣхъ и дѣлаетъ смерть страшною, какъ главная и единственная причина ея (Быт. II, 17. III, 17, 19. Рим. V, 12).

А если такъ, то значить есть возможность *не бояться смерти*; стоитъ лишь не грѣшить, а проводить жизнь, согласную съ евангеліемъ Христа. Смерть уже побѣждена воскресеніемъ І. Христа изъ мертвыхъ (Рим. VI, 9. 1 Кор. XV, 20, 54—57). Онъ же, Побѣдитель смерти, и насъ можетъ избавить и избавляетъ отъ страха смерти (Евр. II, 15). Настанетъ время, когда смерть окончательно будетъ уничтожена Христомъ (1 Кор. XV, 26). И эта вѣра еще болѣе поможетъ человѣку не бояться смерти. А вѣра во всеобщее воскресеніе и упованіе жизни вѣчной со Христомъ дѣлаютъ то, что человѣкъ не только перестаетъ бояться смерти, но даже желаетъ ея, чтобы быть скорѣе со Христомъ (1 Кор. XV, 12—22. Филип. I, 23). Это не то трусливое желаніе смерти, которымъ такъ качатся современные самоубійцы, думающіе въ мракѣ могилы укрыться разъ навсегда отъ жизненной борьбы, отъ подвига, отъ креста, указанного человѣку волею Бога, это желаніе смерти не во имя ненависти и презрѣнія къ жизни, нѣтъ, это желаніе смерти, исполненное любви къ жизни, желаніе не уничтоженія, не погруженія во мракъ небытія, напротивъ, желаніе чрезъ врата смерти вступить въ иную лучшую жизнь, чѣмъ эта земная, это мирный спокойный переходъ отъ одной формы бытія къ другой, переходъ, исполненный покорности волѣ Божіей и сознанія совершеннаго подвига жизненнаго (Лук. II, 29—32. 2 Тим. IV, 6—8). Такъ умираютъ праведники, люди вѣры и труда, люди честно свершившіе свой подвигъ земной и желающіе покоя въ обителяхъ небесныхъ. Такъ умерла, или точнѣе, почилла сномъ смерти и Божія Матерь, почему Ея блаженную кончину церковь именуетъ *успеніемъ*. Такой кончины святая церковь, какъ любящая мать, желаетъ и всѣмъ намъ, чадамъ своимъ: „во блаженномъ усненіи вѣчный покой подаждь, Господи, успшимъ рабомъ твоимъ“, молится она надъ почившими своими чадами. Но, други мои, христіанская мирная кончина есть блаженная участь праведной жизни. Это надо знать и крѣпко помнить. Аминь. („Т. Е. В.“)

Цѣнность человѣческой жизни.

(По поводу современныхъ самоубійствъ).

Въ послѣдніе годы настолько участились случаи убійствъ и самоубійствъ, что невольно уже притупляется и чувство ужаса предъ этими событіями. Недаромъ въ газетахъ этимъ преступленіямъ удѣляется мѣсто наравнѣ съ воровствомъ, грабежомъ, потерей собаки, уходомъ прислуги и т. д. Самоубійства приняли прямо эпидемическій характеръ.

Не касаясь причинъ такой эпидеміи современныхъ убійствъ и самоубійствъ, нельзя не видѣть въ нихъ выраженія крайняго неуваженія къ своей и чужой жизни, сильнаго пониженія сознанія цѣнности жизни. Когда человѣкъ дорожитъ вещью, онъ не будетъ ни самъ истреблять, ни дозволить другимъ дѣлать это. Только къ вещи безразличной—безразлично и даже непріязненно и относятся. Такое равнодушіе и даже отвращеніе къ жизни и проявляется въ современныхъ убійствахъ и самоубійствахъ: въ рѣдкѣй запискѣ самоубійцы нѣтъ выраженія: „мнѣ надоѣла жизнь“ „не стоить жить“, „нѣтъ смысла въ жизни“, „я разочаровался въ жизни“.

Цѣль настоящей статьи—хотя отчасти раскрыть вопросъ о цѣнности человѣческой жизни и дать на него положительный отвѣтъ. Цѣнность всякой вещи опредѣляется прежде всего достоинствомъ лица, сдѣлавшаго или пожертвовавшаго эту вещь, затѣмъ значеніемъ самой вещи, также пригодностью ея для жизни и, наконецъ, ея долговѣчностью. И человѣческая жизнь имѣетъ свой смыслъ прежде всего, какъ даръ Божій, затѣмъ, какъ проявленіе великихъ духовныхъ силъ человѣка, потомъ, какъ способность человѣка къ непрестанной дѣятельности и усовершенствованію и, наконецъ, какъ преддверіе вѣчной и блаженной жизни. Разсмотримъ вопросъ о человѣческой жизни съ этихъ, именно, сторонъ.

I.

Съ давнихъ поръ существуетъ особое направленіе въ наукѣ, которое стремится представить все мірозданіе, какъ дѣйствіе только естественныхъ силъ природы безъ всякаго вмѣшательства Божеской творческой силы. Оно рисуетъ міръ, какъ постепенное развитіе одной самобытной матеріи, которая сначала существовала, какъ мертвое вещество, затѣмъ соорганизовалась въ живое существо и, наконецъ, въ лицѣ человѣка достигла разумнаго состоянія. Человѣкъ—это животная особь, которая въ борьбѣ за существованіе выдвинулась изъ другихъ тварей своею жизнеспособностью, поэтому вышла побѣдителемъ и сдѣлалась болѣе совершенною. Всѣ его способности и дарованія и самая жизнь есть результатъ этой борьбы и ничему другому въ своемъ существованіи не обязаны. Никакого Творца и Промыслителя вселенной и, въ частности, человѣка—нѣтъ. Человѣкъ есть даръ природы, есть совокупность того, что онъ ѣсть и пьетъ. При такомъ взглядѣ на природу и жизнь человѣка естественно весьма условна цѣнность этой жизни. Человѣкъ нуженъ до тѣхъ поръ, пока способенъ самъ поддерживать существованіе и быть полезнымъ для другихъ въ борьбѣ за жизнь. Все слабое, немощное не нужно для жизни и недостойно ея. Поэтому, по такому взгляду, правы были спартанцы, бросавшіе со скалы своихъ новорожденныхъ слабыхъ дѣтей и убивавшіе престарѣлыхъ родителей. Правы и современные люди, которые, чувствуя себя неспособными къ жизни, бѣгутъ отъ нея, накладывая на себя руки. И нужно сказать горькую правду, что это (мате-

реалистическое) ученіе о происхожденіи человѣка много содѣйствовало паденію цѣнности жизни въ сознаніи человѣчества, а такъ какъ это ученіе подъ другими названіями (натурализмъ, неодарвинизмъ) существуетъ и доселѣ, то оно является одной изъ причинъ охлажденія людей къ жизни и въ современномъ обществѣ. Поэтому неудивительно, что такое направленіе вызывало и теперь вызываетъ протестъ и борьбу со стороны другихъ представителей науки. Ставить въ вину матеріализму то, что онъ ослабляетъ нравственные принципы жизни, обезцѣниваетъ жизнь. Для насъ христіанъ это ученіе непріемлемо прежде всего потому, что оно противорѣчитъ ученію Библіи, а затѣмъ и непосредственному опыту каждаго человѣка.

Всѣмъ извѣстно, какъ смотреть Слово Божіе на жизнь человѣка. По ученію Библіи, человѣкъ—это любимое созданіе Божіе. Богъ сотворилъ человѣка, поселилъ его въ раю, далъ ему заповѣдь „плодиться и множитися и наполнять землю“. Этой заповѣдью Господь благословилъ естественное размноженіе человѣческаго рода. Но, давши естественный законъ, Господь не оставилъ людей безъ Своей промыслительной силы, особенно, послѣ грѣхопаденія, когда перемѣнились отношенія земныхъ тварей къ человѣку и людей между собою, когда вмѣсто любви, появилась вражда и людямъ стала угрожать опасность смерти и отъ своихъ собратьевъ, и отъ животныхъ, и отъ природы. Господь по Своей благодати заботится о людяхъ и поддерживаетъ ихъ жизнь. „Воззрите на птицы небесныя, говоритъ Самъ Спаситель, яко не сѣютъ, не жнутъ, не собираютъ въ житницы и Отецъ вашъ небесный питаетъ; не вы ли паче лучше ихъ есте?“ (Мѣ. 6, 26 ст.). Такимъ образомъ, по ученію Библіи, Богъ, даровавши людямъ жизнь, бережетъ ее, охраняетъ и только, когда нужно въ Его планахъ, Онъ беретъ ее. О Богѣ, какъ Промыслителѣ міра и человѣка, кромѣ Слова Божія, намъ говоритъ наблюденіе надъ судьбою человѣка. Жизнь каждаго человѣка на землѣ—это рядъ опасностей, поджидающихъ его на каждомъ шагу. И только благодаря Божественному промыслу, эти опасности не уничтожаютъ совсѣмъ человѣка.

Итакъ, человѣческая жизнь есть даръ Божій. Такое происхожденіе жизни должно создавать и особое отношеніе человѣка къ ней. Если мы дорожимъ всякимъ подаркомъ, полученнымъ отъ другихъ, а къ вещи, подаренной уважаемымъ нами высокимъ лицомъ, мы относимся съ особою бережливостію, боясь потерять ее и тѣмъ доставить огорченіе лицу, подарившему ее, то тѣмъ болѣе мы должны дорожить жизнью, какъ даромъ Существа Высочайшаго и должны съ великой осмотрительностію проводить эту жизнь, чтобы не оскорбить Создателя своего. Къ такому благоговѣйному отношенію къ жизни, какъ дару Бога, и призываетъ насъ Слово Божіе, когда говоритъ: „Со страхомъ житія вашего время жительствуйте“ (I Петр. I, 17 ст.).

II.

Поскольку жизнь человѣческая даръ Божій, постольку она есть даръ совершеннѣйшій. На первыхъ страницахъ Библіи разсказывается о твореніи человѣка и отмѣчается его отличіе отъ другихъ тварей. Предъ сотвореніемъ человѣка былъ Божественный Совѣтъ всѣхъ Лиць Святой Троицы—и сказали Богъ: „Сотворимъ человѣка по образу нашему и подобію... И сотворилъ Богъ человѣка по образу своему, по образу Божію сотворилъ его; мужа и жену сотворилъ ихъ. И взялъ Господь человѣка и поселилъ его въ саду Эдемскомъ, чтобы воздѣлывать и хранить его

(15 ст.). И привелъ Господь всѣхъ животныхъ полевыхъ и всѣхъ птицъ небесныхъ къ человѣку, чтобы видѣть, какъ онъ назоветъ ихъ, и чтобы, какъ наречетъ человѣкъ всякую душу живу, такъ и было имя ей“ (19 ст.). Въ этомъ библейскомъ описаніи творенія человѣка явно открывается высокое достоинство человѣка. Здѣсь говорится, что человѣкъ есть прежде всего образъ Божій, т. е. одаренъ особыми способностями ума, воли и чувства и предназначенъ къ безконечному совершенствованію. Создана была Адаму Ева—помощница ему и притомъ изъ ребра Адамова—это, по объясненію Катихизиса, для того, чтобы всѣ люди естественно располагались любить другъ друга, какъ единую плоть. Человѣкъ поставленъ быть владыкою надъ всею тварью, чтобы быть отцомъ природы, руководителемъ ея и пѣвцомъ ея въ чувствахъ. Всѣмъ этимъ открывается высокое назначеніе человѣка въ мірѣ.

Человѣкъ есть прежде всего образъ Божій на землѣ. Въ немъ дѣйствуютъ духовныя силы—умъ, воля и чувство. Эти способности даются человѣку въ зародышѣ, зачаточномъ состояніи, но предназначены къ всестороннему развитію. Умъ человѣка предназначенъ къ познанію безконечной истины. Воля человѣка призвана осуществить идеаль полную святости. Чувство должно сообщить человѣку полноту жизни, полное блаженство. Все это указываетъ для человѣка великое поле дѣятельности, поле широкое, необъятное. Прекрасно по этому поводу разсуждаетъ знаменитый русскій богословъ Іоаннъ, епископъ Смоленскій. Онъ говоритъ: „Жизнь каждаго человѣка можно сравнить съ каплей въ морѣ. Наука открыла въ каждой каплѣ воды и всякой жидкости цѣлый міръ жизни; тутъ незримо для нашихъ глазъ вмѣщаются особые роды существъ, которые рождаются, движутся, плодятся, совершаютъ свой кругъ бытія, со всѣми естественными дѣйствіями и привилегіями жизни. Такъ, внутри каждаго человѣка, кто бы онъ ни былъ, не всегда явно въ наружности и замѣтно для другихъ, тѣмъ не менѣе дѣйствительно движется цѣлый міръ: міръ мысли и чувства, желаній и страстей, добра и зла, радостей и скорбей—и все это не только тамъ, гдѣ выказывается въ большихъ размѣрахъ, но въ душѣ человѣка, внутренней жизни котораго никто не знаетъ и знать не хочетъ, жизнь котораго представляется намъ слишкомъ малоразвитой, чтобы придавать ей какое нибудь значеніе... А если все это не имѣетъ значенія для другихъ, то очень важно для него самого: тутъ развивается его внутренній міръ, вырабатывается его личная судьба, его нравственное значеніе... Какіе возвышенные виды, какъ-бы ни были малъ человѣкъ! Какія широкія задачи, какъ-бы ни тѣсна была жизнь! И при такихъ ли видахъ и задачахъ, какую бы то ни было малую жизнь въ христіанствѣ считать случайною и напрасною?“

Но человѣкъ существуетъ на землѣ не одинъ. Люди составляютъ общества. Жизнь этихъ обществъ строится совмѣстными усиліями отдѣльныхъ личностей, и чѣмъ больше этихъ усилій, тѣмъ благоустроеннѣе бываетъ общественная жизнь. Отсюда каждому человѣку представляется широкій просторъ для общественной дѣятельности. Дѣятельность эта можетъ быть самая рѣзнообразная, начиная съ дѣятельности государственнаго министра и кончая работой крестьянина, оплачиваемой подневной платой. И тотъ и другой одинаково трудятся для блага общественнаго. И такая работа не есть проявленіе человѣческой любезности и доброты, а является нравственною обязанностью, долгомъ, вызываемымъ тѣмъ, что мы, служа обществу, этимъ только отплачиваемъ ему за право и спокойствіе, предоставляемъ намъ обществомъ. Общественная жизнь доставляетъ каждому человѣку безопасность, защищаетъ его отъ враговъ, даетъ возможность

получить образованіе, въ извѣстныхъ случаяхъ и пропитаніе. И бываетъ такъ, что человѣкъ въ первый періодъ своей жизни въ дѣтствѣ и отрочествѣ пользуется большою услугою общества, получая и отъ родителей и отъ общества пропитаніе и образованіе, а затѣмъ уже какъ-бы оплачиваетъ обществу своимъ служеніемъ, дѣятельностью. Такимъ образомъ, служеніе ближнимъ въ лицѣ родителей, родственниковъ, согражданъ, вообще людей—вотъ новая сфера дѣятельности, которая даетъ и новую цѣнность человѣческой жизни. Приведемъ слова упоминаемаго уже Преосвященнаго Іоанна Смоленскаго, прекрасно раскрывающаго мысль о цѣнности служенія человѣка ближнимъ. „Жизнь каждаго человѣка есть капля въ морѣ жизни цѣлаго человѣчества. Что значить капля въ морѣ? Нельзя сказать, что ничего не значить: все море составляется изъ капель; не было-бы капель, не было-бы моря. И вотъ изъ капель жизни отдѣльныхъ личностей сливается великій океанъ жизни всемірной, съ его вѣковымъ теченіемъ, съ его волнами и бурями. Разберите составъ этихъ волнъ, вздымающихъ океанъ и производящихъ иногда такое сильное волненіе и оглушительный шумъ въ исторіи человѣчества; всмотритесь въ эти бури, иногда столь страшныя и разрушительныя, и вы увидите, что все это капли, только въ связи, въ сдѣленіи между собою, въ массѣ, составляющей всю силу ихъ. А не представляетъ-ли исторія и такихъ примѣровъ, что самыя важныя и потрясающія событія въ жизни народовъ происходили иногда отъ усиленнаго движенія только нѣсколькихъ капель, а иногда даже одной, въ небольшомъ кругѣ жизни? Въ дѣйствительности ни одна жизнь, какъ-бы тѣсна сама по себѣ ни была, не можетъ быть или считаться совершенно отдѣльною или отрѣшенной отъ общей жизни людей. Жизнь каждаго изъ насъ имѣетъ естественныя и нравственныя связи со всѣми другими, связи болѣе или менѣе близкія или отдаленныя, открытыя или незамѣтныя, вліятельныя или страдательныя, но всегда и непремѣнно дѣйствительныя... Даже жалкая жизнь нищаго, при всемъ ея вѣшнемъ ничтожествѣ, имѣетъ свое значеніе нравственное: и бѣднякъ имѣетъ духъ, слѣдовательно, имѣетъ свою нравственную силу и свою долю участія въ общей жизни людей; его мысли, чувства, намѣренія, дѣйствія,—все это отъ него, также какъ и отъ другихъ, идетъ въ общую массу дѣлъ человѣческихъ и онъ, какъ и всѣ, имѣетъ свои нравственныя отношенія къ другимъ, къ обществу, человѣчеству. Этого уже довольно, чтобы не считать жизнь бѣдняка ничего незначащей. А что если внутренняя жизнь бѣднаго еще богаче богатыхъ? Что, если подъ отрепенями и безъ куска хлѣба таится сила души, болѣе другихъ способная дѣйствовать въ мірѣ? И знаемъ мы, что изъ среды бѣдняковъ, почти умирающихъ съ голода, выходили и не слишкомъ рѣдко, великіе дѣятели въ умственной, нравственной, религіозной, общественной жизни народовъ“.

Прекрасной иллюстраціей къ послѣднимъ словамъ Преосвященнаго о значеніи для общества каждаго человѣка, даже немощнаго, умирающаго—можетъ служить жизнь одного лѣтъ пять тому назадъ умершаго въ Псковской губерніи больнаго человѣка, извѣстнаго во всемъ округѣ подъ именемъ „Матвѣюшки“. Этотъ Матвѣюшка болѣе 18 лѣтъ лежалъ въ постели неподвижнымъ, даже не могъ поднимать головы, такъ что его питали съ ложечки, выливая жидкую пищу прямо въ ротъ. Но этотъ больной человѣкъ, благодаря слушанію Слова Божія, твореній святыхъ Отцовъ и другихъ книгъ, которыя онъ просилъ желающихъ почитать ему, пріобрѣлъ такой опытъ въ духовной и житейской мудрости, что всѣ окрестные жители приходили къ нему за совѣтомъ и безпрекословно его

слушались. Богатые давали ему значительныя суммы съ предоставленіемъ полного права распоряжаться по своему усмотрѣнію. Имя его было настолько популярно, что ему посылали деньги, подарки съ разныхъ концовъ Россіи, даже отъ Великихъ Князей и Княгинь. Благодаря этимъ деньгамъ было выстроено нѣсколько церквей, школъ и оказана помощь нуждающимся.

Такимъ образомъ, никто изъ людей не можетъ сказать, что онъ лишній въ жизни, что ему не для чего жить: желающій приносить пользу ближнимъ найдетъ способъ и всегда будетъ полезнымъ чело-вѣкомъ.

Человѣкъ тѣсно связанъ со всей окружающею его природою. Природа это—не мертвая матерія, не механическое сдѣлание атомовъ, а заключаетъ въ себѣ также жизнь. Каждая былинка, каждое животное по своему живутъ и выполняютъ свое назначеніе, свою цѣль, свой смыслъ существованія. Отпечатлѣвая въ себѣ какой-нибудь смыслъ, какую-нибудь мысль, всѣ вещи міра въ совокупности являются отображеніемъ Премудрости Божіей, и въ этомъ значеніи вмѣстѣ съ чело-вѣкомъ славословятъ Бога. Къ такому славословію и призываются въ псалмахъ всякое дыханіе и вся тварь (Пс. 148 и 149). Но природа, возвѣщая славу Божію, не сознаетъ этого; изъ всѣхъ земныхъ тварей одинъ только чело-вѣкъ можетъ пѣть Богу разумно. Отсюда должно создаваться особое отношеніе чело-вѣка и къ природѣ и новое назначеніе его въ мірѣ. Чело-вѣкъ долженъ быть священникомъ и пророкомъ природы: онъ долженъ „высшимъ языкомъ духа разрѣшить безсознательныя вѣщанія тварей о Богѣ и служеніи ихъ Богу, невосходящее выше чувственного, возносить въ себѣ до престола Всевышняго“ (Записки на кигу Бытія Митроп. Моск. Филарета). Природа безсознательно возвѣщаетъ славу Божію, а чело-вѣкъ долженъ понимать эту хвалу, а для этого долженъ изучить природу и поучаться отъ нея. Такое изученіе природы, давши чело-вѣку новое знаніе, наполнитъ его жизнь и новымъ содержаніемъ и дастъ ему новыя радости, новую цѣнность жизни. Изученіе природы откроетъ чело-вѣку новыя горизонты, новыя красоты, которыя доставятъ великое эстетическое наслажденіе и укрѣпятъ вѣру въ Бога. Это наслажденіе отъ природы испытывали и ученые люди, изучающіе природу съ научной точки зрѣнія, и другіе люди, но съ чуткой душою, каковы поэты.

Познаніе этой природы и единеніе съ ней служить для поэтовъ наслажденіемъ, радостью и одной изъ цѣлей жизни.

Познавать Его въ твореньѣ,
Видѣть духомъ, сердцемъ чтить —
Вотъ въ чемъ жизни назначенье,
Вотъ что значить въ Богѣ жить!

(Клюшниковъ).

Но чело-вѣкъ—пророкъ природы не только въ томъ смыслѣ, что онъ проникаетъ въ жизнь ея и понимаетъ ея смыслъ, нѣтъ, онъ еще можетъ учить самую природу, внушать ей свои мысли, возводить ее къ высшему назначенію и искоренять въ ней все худое, вредное. Это онъ можетъ дѣлать не только путемъ разумнаго культивированія неодушевленныхъ низкихъ организмовъ, но и черезъ непосредственное вліяніе своей личности и искуства на несложную душевную жизнь животныхъ. Извѣстенъ фактъ вообще дѣйствія музыки на животный міръ. Далѣе извѣстны опыты дрессировки животныхъ, когда послѣднія, подчиняясь волѣ чело-вѣка, усваиваютъ очень сложныя чело-вѣческія движенія и

дѣйствія. Наконецъ, изъ житія святыхъ мы узнаемъ, что нѣкоторые святые своимъ непосредственнымъ влiяніемъ усмиряли самыхъ грубыхъ животныхъ (медвѣдя, льва), дѣлали ихъ изъ неукротимыхъ кроткими, изъ кровожадныхъ—питающимися хлѣбомъ, разговаривали съ ними, какъ съ людьми, давали имъ приказанія и видѣли исполненіе. Все это показываетъ, что низшая природа способна къ измѣненію и къ улучшенію, и такое измѣненіе находится въ большой связи съ нравственнымъ состояніемъ человѣчества: человѣкъ совершенствуется, и онъ благотворнымъ образомъ влiяетъ на природу. Пророкъ Исаія указываетъ и характеръ самого измѣненія природы и тѣмъ яснѣе раскрываетъ мысль объ измѣненіи твари. Онъ пророчески предсказываетъ, что на горѣ Божіей, т. е. духовномъ Иерусалимѣ или Царствіи Небесномъ „волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненокъ, и барсъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ, и теленокъ, и молодой левъ и волъ будутъ вмѣстѣ, и малое дитя будетъ водить ихъ. И корова будетъ пастись вмѣстѣ съ медвѣдицей, и дѣтеныши ихъ будутъ лежать вмѣстѣ, и левъ, какъ волъ, будетъ ѣсть солому. И младенецъ будетъ играть надъ норою асида, и дитя протянетъ руку свою на гнѣздо змѣя. Не будутъ дѣлать зла и вреда по всей святой горѣ Моей, ибо земля будетъ наполнена вѣднiя Господня, какъ воды наполняютъ море“ (Ис. 11 г. 6—9 ст.). Стремиться къ такому состоянію міра и въ этомъ направленіи преобразовывать міръ—вотъ опять великая цѣль человѣческой жизни, человѣческаго существованія.

Итакъ, жизнь человѣка, будучи цѣнна, какъ даръ Божій, сама въ себѣ носитъ зачатки великихъ дѣяній и великихъ преобразованій всего міра ¹⁾. („В. и Ж.“)

Мысли о религіозно - нравственномъ воспитаніи воинскихъ чиновъ.

Въ виду происходящаго въ органѣ военнаго и морского духовенства дѣятельнаго обмѣна мыслей по вопросу „о способахъ пастырскаго влiянія военныхъ священниковъ на воинскихъ чиновъ“, позволяю себѣ и я подѣлиться мыслями, навѣянными мнѣ долготѣннымъ опытомъ службы въ военномъ вѣдомствѣ,—какъ по существу даннаго вопроса, такъ и по поводу тѣхъ условий, въ которыхъ приходится военнымъ пастырямъ проводить въ жизнь „*жгучій и насущный вопросъ*“ о воспитаніи русскихъ воиновъ.

Къ выработаннымъ Тифлисскою комиссіею мѣрамъ пастырскаго воздѣйствія на воинскихъ чиновъ (см. Вѣстн. В. и М. дух. 1912 г. № 9), желательно присоединеніе еще слѣдующихъ:

1) Устройство при полковыхъ лазаретахъ библиотечекъ съ книгами религіознаго содержанія. Большого особенно тянетъ къ „божественной“ книжкѣ; она поможетъ ему съ пользой коротать иногда долгое время полнаго бездѣлья, обережетъ отъ мнительности-спутника болѣзней; она разсѣетъ скуку и уныніе.

2) Организанія паломничествъ нижнихъ чиновъ въ ближайшія къ мѣсту стоянки части монастыри и замѣчательные чѣмъ-либо храмы, которыми богаты,—не говорю,—С.-Петербургъ, Москва, Кіевъ, а и многіе

¹⁾ Продолженіе слѣдуетъ.

особенно древніе, російскіе города;—участіе въ городскихъ крестныхъ ходахъ; принесеніе въ казармы чудотворныхъ иконъ, для совершенія предъ ними молебныхъ пѣній,—все это оставитъ неизгладимыя благотворныя впечатлѣнія въ простодушныхъ и воспримчивыхъ сердцахъ русскихъ воиновъ, разовьетъ въ нихъ чувство интереса и любви къ роднымъ святынямъ и оставитъ благодарныя воспоминанія о пребываніи на военной службѣ. А то, простоявъ въ городѣ съ полкомъ служивый 3 — 4 года и, кромѣ сомнительныхъ цирковъ и кинематографовъ, да растлѣвающихъ душу кабаковъ и притоновъ, нигдѣ не побываетъ и ничего здороваго не увидитъ.

3) Вступленіе новобранцевъ въ воинскую часть и проводы окончившихъ военную службу нижнихъ чиновъ отмѣчать молебствіемъ (не вездѣ это дѣлается) съ соотвѣтственной случаю бесѣдой и врученіемъ каждому солдатика въ благословеніе иконки и листка духовнаго содержанія, которыми, какъ опытъ показываетъ, воины весьма дорожатъ и увозятъ ихъ домой, какъ большую святыню и дорогое воспоминаніе о службѣ царской.—Расходъ нѣсколькихъ рублей, а польза несомнѣнная...—Вообще раздачу религіозно-просвѣтительныхъ листовъ нужно производить возможно чаще, особенно въ великіе праздники. Сектанты опѣнили силу этого духовнаго оружія въ дѣляхъ своей пропаганды; на ярмаркахъ и базарахъ, на вокзалахъ и въ трактирахъ, на пароходахъ и въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ и даже трамваевъ, — словомъ, вездѣ въ мѣстахъ скопленія народныхъ массъ они обильно разбрасываютъ свои ядовитыя сѣмена. Тѣмъ же путемъ слѣдуетъ посѣвать добрыя сѣмена.

Духовно полезно располагать уходящихъ въ запасъ арміи нижнихъ чиновъ къ пожертвованію въ полковой храмъ того или другого предмета изъ церковной утвари. Созданіемъ такихъ религіозныхъ реликвій нѣкоторымъ образомъ будетъ поддерживаться духовная связь оставившихъ часть нижнихъ чиновъ съ остающимися.

Заслуживаетъ осуществленія прекрасная мысль о. І. Федорова о составленіи военнымъ духовенствомъ и изданіи спеціального отрывного календаря для казармы (Вѣстн. воен. и мор. дух. № 3-ій 1912 г.). Листки отрывныхъ календарей дѣйствительно любимое чтеніе нижнихъ чиновъ.

4) Устройство складовъ и организація продажи книгъ и брошюръ религіозно-нравственнаго содержанія при военныхъ церквяхъ должны быть не только „желательны“, какъ проектировано въ рапортѣ Тифлисской комиссіи, а *обязательны*. Таковъ смыслъ 560 ст. гл. X-й Военнаго Устава Внутренней службы, говорящей: „при церкви *должны* находиться для продажи духовно-нравственныя книги, крестики и образки“.

5) Необходимо вездѣ въ бібліотекахъ офицерскихъ собраній ввести богословскій отдѣлъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія и въ читальни выписывать духовные журналы.

6) Устройство чтеній съ туманными картинами для дѣтей военной интеллигенціи, что подходит особенно къ условіямъ захолустной штабъ-квартирной жизни, бѣдной духовными развлечениями. За дѣтьми, скуки ради, потянутся родители и въ ихъ души лишній разъ, такъ сказать, мимоходомъ, западетъ что-либо хорошее и свѣтлое.

7) Организація особыхъ чтеній для интеллигентной части воинской паствы.

Что касается осуществленія предлагаемой здѣсь программы духовнаго дѣланія, требующаго и матеріальныхъ затратъ, то одному священнику оно не подь силу: тутъ нужны-дѣятельное участіе и помощь военнаго начальства и общества.

Дальше. Полагая задачею пастырской просвѣтительной дѣятель-

ности поднятіе уровня образованія нижнихъ чиновъ въ религіозномъ и нравственномъ отношеніи, необходимо считаться съ личностью и умственнымъ развитіемъ солдата и тѣми условіями, въ которыя ставить военнаго священника его служебное положеніе и военная дисциплина.

Въ лицѣ нижнихъ чиновъ мы имѣемъ слушателей совсѣмъ неразвитыхъ, ухо которыхъ не привыкло уловлять самыя простыя понятія, — слушателей по своей натурѣ не любознательныхъ и мало интересующихся духовными вопросами, при томъ за послѣдніе годы отбывшихся отъ Церкви и недобѣрчиво, предубѣжденно относящихся къ рѣчамъ представителей ея.

Въ учебной командѣ, представляющей, такъ сказать, цѣвь полка, — гдѣ собраны люди болѣе развитые и грамотные, я въ теченіе полугода аккуратныхъ занятій, при трехъ двухчасовыхъ недѣльныхъ урокахъ, едва успеваю провести въ сознаніе своихъ учениковъ: 8—10-ть общеупотребительныхъ молитвъ, 10 заповѣдей, заповѣди блаженствъ и символъ вѣры; объяснить главные моменты литургіи и семи таинствъ, да рассказать событія двенадцатыхъ праздниковъ. Сколько тратишь времени и напряженія на одно только приученіе къ неторопливому, правильному и сознательному чтенію молитвъ, заповѣдей, символа вѣры!—О смыслѣ и значеніи церковныхъ обрядовъ, начиная съ крестнаго знаменія, солдатиками представленія не имѣютъ. За что нихватишься изъ области православной вѣры—ничего не знаютъ и не слышали; темнота непроглядная, неосвѣдомленность поразительная... Спрашивается, что-же въ состояніи одинъ священникъ вложить—въ смыслѣ знаній—въ еще болѣе темную и менѣе развитую массу нижнихъ чиновъ всего полка, хотя бы даже въ составѣ 1000—800 душъ, при современныхъ большихъ требованіяхъ отъ солдата чисто военныхъ знаній и при тяжелыхъ вообще условіяхъ нынѣшней военной службы, очень мало оставляющей ему свободнаго времени для побочныхъ думъ и занятій, къ которымъ нужно отнести и внѣбогослужебныя бесѣды и чтенія?

Предъявляемая намъ обширная программа бесѣдъ и чтеній невыполнима. Ставить задачей ея—сообщеніе возможно большихъ богословскихъ и церковно-историческихъ истинъ будетъ ошибкой. Нужно отступить отъ рутинной постановки темъ и перейти къ освѣщенію современныхъ, выдвигаемыхъ самою жизнію, вопросовъ съ евангельской и церковной точекъ зрѣнія.

Почему на нашихъ бесѣдахъ солдата въ сонъ клонить, а сектантовъ—проповѣдниковъ онъ слушаетъ, разинувъ ротъ? Неужели они умнѣе и талантливѣе насъ—священниковъ? Нѣтъ! А потому, отчасти, что сектантскій проповѣдникъ бьетъ по сердечнымъ струнамъ слушателя, задѣваетъ большыя мѣста души человѣческой. Будемъ мы играть на тѣхъ же сердечныхъ струнахъ, касаться чаще и проще тѣхъ же—близкихъ сердцу православнаго солдата—религіозно-бытовыхъ вопросовъ, освѣщая таковыя съ церковной и патріотической сторонъ, поможемъ ему трезво разобраться въ волнующихъ его душу современныхъ религіозныхъ и политическихъ движеніяхъ,—солдатъ станетъ жадно внимать и намъ.

Если священникъ успеетъ за 3—4 года пребыванія нижняго чина въ рядахъ арміи, расшевелить и раздуть въ душѣ его погасшую искру интереса и любви къ родному православію—съ богослуженіемъ, таинствами и обрядами; поднять упавшій въ его глазахъ авторитетъ православной Церкви, Русскаго Царя, властей;—отрезвить отъ революціоннаго, звѣрнаго состоянія, въ которомъ приходится онъ теперь на военную службу;—умягчить и отогрѣть его заолодѣлое, огрубѣлое сердце, — если, говоря,

священникъ успѣть въ этомъ хотя въ нѣкоторой мѣрѣ, полагаемъ, духовная миссія выполнена будетъ имъ достаточно.

Успѣхъ вліянія священника на нижнихъ чиновъ много зависитъ отъ взгляда на его дѣятельность и отношеніе къ ней и къ самому дѣятелю непосредственно и вышшаго военнаго начальства и офицерской среды.

Не всё военное, повидимому, въ достаточной степени сознають важность воспитанія и развитія духовныхъ силъ въ нижнихъ чинахъ, для успѣховъ военнаго дѣла, и потому дѣятельности священника — невидной и недающей скорыхъ реальныхъ результатовъ — часто не придають существеннаго значенія, смотря на таковую легко и не оказываютъ должнаго вниманія и поддержки. — Священникъ нуженъ какъ требоисправитель, но какъ стражъ религіозныхъ и нравственныхъ устоевъ, да если стражъ еще не изъ молчащихъ — онъ, только терпимъ въ части. И понятно: точки зрѣнія на вещи — мірская военная всеисходящая — и церковная — серьезная трудно сходятся. De jure, облеченный полною духовной власти, включительно до права вязать и рѣшить христіанскія души, de facto военный священникъ въ своемъ служебномъ положеніи — личность безгласная, безвольная и безправная, подавленная военнымъ начальствомъ и офицерской средой¹⁾. А это ведетъ къ вредному со стороны священника попустительству въ ущербъ интересамъ Церкви и духовнымъ нуждамъ меньшаго брата солдата, — заискиваніямъ и униженіямъ, роняющимъ достоинство священнаго сана.... Не много такихъ начальниковъ, которые бы не считали ниже своего достоинства обмѣниваться мыслями и взглядами, не говорю, совѣтоваться со священникомъ по дѣламъ церкви и духовнаго строительства въ части. Но не мало такихъ, которые совершенно игнорируютъ своего пастыря, не желаютъ слышать его гласа и, зная себѣ, отдають приказы да приказанія, не считаясь съ тѣмъ, согласны ли они съ установившейся церковной практикой, съ положеніемъ объ Управленіи Военнаго Духовенства и съ канонами Церкви.

Какъ слѣдствіе незнакомства или нежеланія считаться со всѣмъ этимъ, встрѣчаются начальники не терпящіе проявленія инициативы въ священникѣ и видящіе въ ней посягательство на свои права и власть, — начальники, требующіе себѣ встрѣчи въ храмѣ по чину для ВЫСОЧАЙШИХЪ Особъ установленному, служенія панихидъ по магометанамъ, совершенія вѣнчаній безъ соблюденія предбрачныхъ предосторожностей, — начальники, требующіе отъ священника на просмотръ проповѣди, покрикивающіе на своего отца духовнаго (попадаютъ и ктитори такіе, мнящіе себя начальствомъ надъ священниками) и т. п. — За четверть вѣка своей службы въ военномъ вѣдомствѣ, только дважды на бесѣдахъ и однажды на урокѣ Закона Божія въ учебной командѣ я имѣлъ утѣшеніе видѣть командира части, а инспектирующее воинскую часть высшее начальство лишь изрѣдка радовало меня посѣщеніемъ храма и ласкало немногими словами привѣта и интереса къ тому дѣлу, которому служу.

Для иллюстраціи подобныхъ отношеній и создаваемой ими тяжелой обстановки дѣятельности военнаго священника привожу выдержки изъ двухъ писемъ ко мнѣ священника 16-го гусарскаго (раньше 50-го драгунскаго) Иркутскаго полка, о. А. П. Богородскаго (нынѣ покойнаго), съ которымъ я рука-объ-руку работалъ въ теченіе трехъ — 1902 — 1904 — лѣтъ, въ бытность мою священникомъ церкви 49 го (нынѣ 19-го) драгунскаго Архангелогородскаго полка, когда полки стояли вмѣстѣ въ гор.

1) Это сужденіе можетъ быть принято только съ большими оговорками. *Ред.*

Борисовъ Минской губ. — Вотъ какъ собратъ изливаетъ свою скорбь. „Прибыль новый командиръ полка, — молодой, энергичный, всесторонне образованный... Этотъ мужъ всецѣло возложилъ на меня:—завѣдываніе чтеніями въ полку съ помощію волшебнаго фонаря, обученіе трубаческихъ учениковъ—мальчиковъ грамотѣ и ариѳметикѣ,—не говорю о преподаваніи Закона Божія, — образованіе изъ эскадронныхъ библиотекъ одной — полковой и устройство и завѣдываніе читальней для нижнихъ чиновъ. Сколь сильно радовался я вначалѣ энергичнымъ заботамъ новаго начальника о высокихъ нуждахъ солдата, столь скоро и разочаровался. Взваливъ на мои плечи работу, самъ не проявляетъ ни малѣйшаго интереса къ ней и заботы къ созданію болѣе благопріятныхъ условій для нея. — Чтенія назначены по праздникамъ въ 6 час. вечера, а люди едва собираются къ 7-ми... Эскадронныхъ командировъ не бываетъ ни одного, дежурный офицеръ отсутствуетъ и порядка, понятно, нѣтъ: хлопанье дверьми, разговоры, шумъ—мѣшаютъ чтенію. Изъ моихъ докладовъ о семъ ничего, кромѣ обѣщаній установить порядокъ, не вышло.— Отъ 3—4 часовыхъ занятій съ мальчуганами—голова кругомъ, а толку мало: уроки пропускаютъ, заданнаго не учатъ. Говоришь адъютанту, отвѣчаетъ: „на нихъ лежитъ и другая обязанность — играть“... Силы кландешь, нервы свои треплешь, а результаты плачевны, ибо поддержки ни въ комъ ни малѣйшей. — Созданной библиотекой командиръ полка и не поинтересовался, а въ солдатскую читальню хотя бы разъ заглянулъ!... Руки опускаются, охота пропадаетъ“... (Письмо отъ 6-го Юня 1908 г.).— Въ письмѣ отъ 22-го Янв. 1909 г. собратъ жалуется: „Бесѣды каждый день, поэскадронно. Живу далеко, а лошадей не приказано давать, такъ и трачусь на трамвай... Но что особенно обидно, часто возвращаюсь ни съ чѣмъ: люди то въ банѣ, то жалованье или еще что нибудь получаютъ, то заняты уборкой помѣщеній“...

Напрасно винять военное духовенство въ нежеланіи работать, въ отсутствіи энергіи. Если пропадаетъ она, если разлѣивается кто изъ насъ, такъ виноваты часто невозможныя условія дѣятельности. „Одинъ въ полѣ не воинъ“, гласитъ русская пословица. Военный же священникъ не только одинокъ въ своей работѣ, но и доступное ему оружіе — мечъ духовный — и то должно бездѣйствовать: рта нельзя раскрыть, сейчасъ поднимется шумъ: „роняетъ авторитетъ начальства, подрываетъ военную дисциплину“...

Нельзя работать бодро и увѣренно, если не встрѣчаешь сочувственнаго отношенія (бываетъ и придирчивое и даже враждебное) со стороны той среды, благу которой служишь.

Священникъ *Исмаиль Островскій.*

Изъ внутренней жизни дисциплинарныхъ баталіоновъ.

Немногіе, изъ нашего военного духовенства, а также и гг. офицеровъ знаютъ жизнь и внутренній бытъ дисциплинарныхъ баталіоновъ, а потому осмѣливаюсь кратко описать бытъ заключенныхъ этихъ баталіоновъ, а въ связи съ нимъ службу священника въ баталіонѣ и пріносимую имъ духовную пользу въ смыслѣ перевоспитанія нижнихъ воинскихъ чиновъ.

Опытъ показалъ, что 75% заключенныхъ прибываютъ въ дисципли-

нарные баталіоны за проступки, учиненные въ частяхъ войскъ въ пьяномъ видѣ.

Въ дисциплинарные баталіоны поступаютъ не самые тяжкіе преступники—убійцы, грабители и т. п., а главнымъ образомъ нарушители разныхъ правилъ воинской дисциплины, за исключеніемъ важнѣйшихъ случаевъ такихъ нарушеній. Поэтому заключенные продолжаютъ числиться въ своихъ частяхъ войскъ, и по окончаніи положеннаго срока туда возвращаются. Большинство изъ нихъ, боясь-ли строгаго режима дисциплинарныхъ баталіоновъ, гдѣ за проступки розги дѣйствительно часто употребляются, или не потерявшіе еще совѣсти—ведутъ себя очень хорошо, но много изъ нихъ и настоящихъ негодяевъ, способныхъ на болѣе тяжкія преступленія, лишь-бы избавиться отъ военной службы. Между такими всегда много лицъ съ образованіемъ, даже съ высшимъ (были случаи, что въ баталіонъ попадали заключенные, окончившіе 3 факультета, добавлю—атеисты и изъ „сознательныхъ“). Такіе заключенные сначала составляютъ свой кружокъ, а затѣмъ, постепенно агитируя, вербуютъ въ свою партію еще многихъ. Эта обстановка на людей еще не испорченныхъ кладетъ тяжелое клеймо: находясь въ обществѣ, нерѣдко, съ очень плохимъ прошлымъ, къ тому же съ людьми образованными по сравненію съ нашимъ простолюдиномъ, онъ, наслушавшись ученій такихъ негодяевъ, становится самъ на преступный путь. Здѣсь ужъ трудъ офицера не помогаетъ (къ тому-же ихъ всего 2 на роту въ 200 человекъ), приходится дѣйствовать на психику массы и, во многихъ случаяхъ—на каждого такого субъекта отдѣльно,—здѣсь нужна духовная помощь. Въ большинствѣ случаевъ священнику удается убѣдить заблудшихъ и такимъ образомъ вернуть многихъ на истинный путь. Если принять во вниманіе что подобныя явленія бывають не рѣдко, а почти каждый день, при чемъ задають священнику вопросы далеко не легкіе, что ему въ эти минуты приходится переживать тяжелыя душевныя волненія и сильныя умственныя напряженія, нѣтъ ничего удивительнаго, что священники изъ дисциплинарныхъ баталіоновъ послѣ двухъ-трехъ лѣтъ службы переходять въ другія части войскъ съ совершенно разбитыми нервами и переутомленными. Все-же, здѣсь именно трудъ священника приноситъ особенно благіе плоды: многие изъ преступниковъ уходятъ изъ дисциплинарнаго баталіона раскаящимися и навсегда исправившимися.

Очень и очень способствуетъ воспитанію заключенныхъ торжественное Богослуженіе. Находясь въ церкви, каждый изъ нихъ въ это время забываетъ все пережитое и всецѣло отдается душою Богу; кто бывалъ на богослуженіяхъ въ церквахъ дисциплинарныхъ баталіоновъ тотъ видѣлъ это, особенно, если къ тому-же еще поетъ хорошій хоръ. Въ Херсонскомъ дисциплинарномъ баталіонѣ церковный хоръ состоитъ изъ 50—70 человекъ заключенныхъ, не рѣдко съ выдающимися сольными голосами. За плату въ 35—40 руб. въ мѣсяць, платимыхъ изъ хозяйственныхъ суммъ баталіона, съ хоромъ ежедневно занимается и управляетъ опытный регентъ, въ результатѣ, здѣсь лучший, на весь губернской городъ, церковный хоръ. Исполняютъ массу произведеній нашихъ лучшихъ духовныхъ композиторовъ: Бортнянскаго, Львова, Кастальскаго, Алеманова, Должанскаго, Строкина и другихъ.

Церковь этого баталіона въ 1909 г. перестроена изъ двухэтажнаго зданія, очень большая (на 1000 человекъ), стѣны и потолокъ церкви тогда-же сплошь живописно расписаны живописцемъ Клименко съ картинъ Кіевского Владимірскаго собора: Васнецова, Нестерова и другихъ;

иконостасть заново позолочены, устроены: электрическое освѣщеніе и вентиляторы. Въ общемъ церковь производитъ чарующее впечатлѣніе.

Дисциплинарные баталіоны свое существованіе начали только съ 1878 г., до того же времени существовали: съ 1833 по 1863 г. арестанскія роты инженернаго вѣдомства и съ 1867 по 1878 г. военно-исправительныя роты. Въ арестанскія роты инженернаго вѣдомства вмѣстѣ съ воинскими чинами (были случаи присылки и изъ разжалованныхъ по суду офицеровъ) попадали и арестанты, осужденные въ каторжныя работы, а также бродяги и бѣглые крѣпостные; арестанты раздѣлялись на срочныхъ и всегдашнихъ. Въ положеніи объ арестанскихъ ротахъ инженернаго вѣдомства, Высочайше утвержденномъ 19 Ноября 1833 г. между прочимъ сказано: „§ 45. Для отвращенія арестантовъ отъ побѣговъ, Комendanтамъ крѣпостей поставляется неперемѣннымъ правиломъ: 1, чтобы состоящіе въ разрядѣ всегдашнихъ арестантовъ, всѣ безъ изыятія были закованы, срочныхъ же, какъ Военнаго и Гражданскаго вѣдомствъ арестантовъ, а равно и бродягъ, содержать безъ оковъ, но съ тѣмъ, что въ случаѣ побѣга одного арестанта изъ какого либо отдѣленія сихъ послѣднихъ разрядовъ, всѣхъ арестантовъ, состоящихъ въ томъ отдѣленіи, тотчасъ заковывать въ кандалы, потому, что они одни за другихъ должны отвѣтствовать. 2. Всѣхъ арестантовъ, кои учинять какое-либо преступленіе въ ротахъ, содержать также въ кандалахъ. 4. Всѣмъ арестантамъ брить головы слѣдующимъ образомъ: бродягамъ, срочнымъ Гражданскаго и Военнаго вѣдомствъ брить спереди полъ головы отъ одного уха до другого, а всегдашнимъ—отъ затылка до лба полъ головы, съ лѣвой стороны. § 80. За лѣность и нерадѣніе къ работамъ, арестантовъ наказывать на мѣстѣ, по разсмотрѣнію наблюдающаго за работами начальника. Мѣры сего наказанія не должны превосходить того, сколько нужно для побужденія нерадиваго къ прилежной работѣ, и именно: не свыше 50 ударовъ унтеръ-офицерскою тростью“. Болѣе провинившихся арестантовъ наказывали сквозь строй шпидрутенами. Въ общемъ строгость была страшно сурова, пища была очень ограничена.

Съ 1867 по 1878 г. существовали военно-исправительныя роты, куда уже присылались только воинскіе преступники. Приказомъ по Воен. Вѣд. отъ 17 мая 1878 г. за № 139 военно-исправительныя роты перестроены въ дисциплинарные баталіоны, которые существуютъ и до сихъ поръ. Цѣль дисциплинарныхъ баталіоновъ, выражаясь языкомъ законодателя,—пріучить къ требованіямъ дисциплины и обязанностямъ строевой службы тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые по приговору военныхъ судовъ отданы въ эти баталіоны. Проще—дисциплинарные баталіоны имѣютъ двойное назначеніе: они и мѣста наказанія, и въ тоже время—войсковыя части, дѣлящіяся на роты, полуроты, взводы и подчиняются особымъ начальникамъ на правахъ полковаго командира. Прибывающіе на заключеніе въ дисциплинарный баталіонъ нижніе чины именуется „заключенными“. Пища заключеннымъ полагается на равнѣ съ прочими нижними чинами, съ $\frac{3}{4}$ фун. мяса; размѣщаются заключенные въ казармахъ, обнесенныхъ высокою оградой, при чемъ—окна казармъ съ рѣшетками, ворота ограды всегда на замкѣ; ротныя помѣщенія казармъ также большею частью на замкѣ. Заключенныхъ обучаютъ воинскому строю, гимнастикѣ, бою на штыкахъ и стрѣльбѣ, затѣмъ они обязательно занимаются подъ руководствомъ священника Закономъ Божиимъ, обучаются грамотности и такъ называемой, солдатской словесности.

Для занятій назначается 9 часовъ, для сна полагается 8 часовъ, остальное время употребляется для отдыха, обѣда, ужина, для провѣрокъ,

которыхъ бываетъ до шести въ день. Собственно говоря, на отдыхъ при этомъ приходится всего-навсего лишь часа три-четыре въ сутки.

Этимъ временемъ отдыха заключенные все-же не могутъ располагать по своему усмотрѣнiю,—установленъ цѣлый рядъ ограниченiй: безъ особаго разрѣшенiя не позволяется выходить изъ своихъ ротныхъ помѣщенiй, воспрещается громко разговаривать другъ съ другомъ, пѣть пѣсни, пить какiе-либо спиртные напитки, курить и нюхать табакъ, заниматься какими-либо играми. Разрѣшается въ свободное время чтенiе допущенныхъ начальствомъ книгъ, писанiе писемъ, отправленiе которыхъ совершается лишь по просмотрѣ офицеромъ. Иногда, по праздникамъ, тѣмъ, кто себя хорошо ведетъ, разрѣшаются свиданiя съ родными, но это свиданiе происходитъ непременно въ присутствiи надзирающаго унтеръ-офицера.

Въ праздники и накануне ихъ заключенныхъ водятъ въ церковь для слушанiя Богослуженiя, тогда же священникъ въ церкви говоритъ проповѣди, а въ другiе дни устраиваются, по назначенiю начальника баталiона, баталiоннымъ священникомъ также духовно-нравственныя бесѣды и чтенiя.

Строчевыя занятiя заключенныхъ, естественно, однообразны, такъ какъ выводить ихъ за ограду баталiоновъ закономъ не разрѣшается. Состоятъ эти занятiя въ обученiи одиночному, шереножному, взводному и ротному строямъ. Главнымъ образомъ это обученiе сводится къ одиночной выправкѣ, ружейнымъ приѣмамъ, маршировкѣ въ оградѣ на казарменномъ дворѣ, прикладкѣ, прицѣлкѣ и гимнастикѣ безъ машинъ. Ни сторожевой, ни полевой службы проходить на практикѣ не приходится, поэтому по этимъ предметамъ изучаются лишь уставы. Довольно усиленно ведутся съ заключенными занятiя грамотностью, для чего въ недѣлю отводится отъ 3 до 12 часовъ, смотря по времени года.

Хозяйственныя работы заключенныхъ въ дисциплинарныхъ частяхъ довольно многочисленны и отнимаютъ не мало времени. Эти работы состоятъ въ шитьѣ обмундированiя, обуви, бѣлья и другихъ вещей для самихъ заключенныхъ, а также въ выполненiи всякаго рода мастеровыхъ подѣлокъ, въ ремонтѣ баталiонныхъ помѣщенiй, колкѣ дровъ, уборкѣ двора, помѣщенiй и т. п.

Наибольшiй срокъ содержанiя въ дисциплинарныхъ баталiонахъ—три года, наименьшiй—одинъ годъ. Хорошее поведенiе и усердiе къ службѣ заключенныхъ даютъ имъ право на сокращенiе срока нахожденiя, но не болѣе какъ на одну шестую часть всего срока (при годичномъ срокѣ сокращено можетъ быть два мѣсяца, при двухгодичномъ—четыре мѣсяца, при трехгодичномъ—полгода). Затѣмъ къ мѣрамъ поощренiя лицъ хорошаго поведенiя установленъ переводъ ихъ въ роту исправляющихся. Въ каждомъ дисциплинарномъ баталiонѣ образуется одна такая рота. Въ этихъ ротахъ занятiя гораздо разнообразнѣе и интереснѣе: они несутъ караульную службу, занимаются внѣ баталiоннаго двора, обучаются разсыпному строю и т. п. По службѣ и своимъ надобностямъ исправляющiеся могутъ быть увольняемы со двора въ городъ безъ конвоя.

Для виновныхъ въ неисполненiи тѣхъ или другихъ правилъ положенъ цѣлый рядъ дисциплинарныхъ взысканiй: простой арестъ до мѣсяца, строгiй арестъ до двадцати сутокъ, усиленный до восьми, смѣшанный—до одного мѣсяца и наконецъ—наказанiе розгами до 100 ударовъ. Розги не назначаютъ только тѣмъ заключеннымъ, которые по своему происхожденiю (дворяне, купцы, почетные граждane) или по образованiю изъяты отъ тѣлеснаго наказанiя.

По суду, за совершенныя преступленія, заключенные могутъ кромѣ общихъ со всѣми другими уголовныхъ наказаній, быть приговариваемы къ продолженію срока пребыванія въ дисциплинарномъ баталіонѣ отъ трехъ мѣсяцевъ до трехъ лѣтъ, такъ что иногда срокъ заключенія вмѣсто трехъ лѣтъ можетъ дойти до шести. Кромѣ того заключенные по суду могутъ быть посажены въ карцеръ отъ одного до четырехъ мѣсяцевъ, въ этомъ карцерѣ они могутъ быть лишены свѣта нѣсколько разъ, лишь бы темное сидѣніе продолжалось не болѣе восьми дней подрядъ и раздѣлялось отъ свѣтлаго недѣльными промежутками.

Въ дисциплинарныхъ баталіонахъ существуетъ кромѣ ротъ еще особая команда. Въ особую команду выдѣляютъ болѣе дурныхъ по поведенію заключенныхъ. Эту команду „порочныхъ“ содержать особенно строго, не допуская имъ никакихъ льготъ.

Ктиторъ церкви Херсонскаго дисциплинарнаго баталіона Колежскій Секретарь *Кирилль Суковатый*.

Письмо изъ дисциплинарнаго баталіона б. рядового 199 пѣх. Кронштадтскаго полка къ своему полковому священнику ¹⁾.

Ваше Высокопреподобіе!

Прошу принять мою искреннюю благодарность за Вашу отзывчивость, проявленную Вами во время моего процесса. Благодаря Васъ, я лишень возможности по отбытіи срока наказанія заниматься честнымъ трудомъ и быть въ этой средѣ. Теперь я избавился отъ того страшнаго порока, которому былъ подверженъ, а скамья подсудимыхъ, на которой мнѣ пришлось не такъ давно фигурировать, принесла мнѣ существенную пользу теперь, и будетъ яркимъ предостереженіемъ въ будущемъ. Совершившееся со мной несчастье мнѣ кажется случилось къ лучшему и погрязшій во всевозможныхъ порокахъ до этого, теперь я намѣренъ начать новую ничего неимѣющую общаго съ прежней—жизнь, жизнь—здоровую. Благодарю также за Ваше моральное и нравственное воздѣйствіе, которое Вы мнѣ оказали; благодаря Васъ и *той небольшой литературѣ, которой Вы снабжали на гауптвахтѣ, я изъ атеиста сдѣлался такимъ, который въ проявленіяхъ на жизнь каждого человека видитъ волю Всемогущаго. Потерянное я нашелъ и это то мнѣ кажется дорогимъ, такъ какъ если бы я не попалъ въ такое положеніе, въ которомъ я нахожусь въ данное время, жизнь у меня пошла бы такая же беспорядочная, какую я вель на службѣ.*

¹⁾ Редакція съ удовольствіемъ помѣщаетъ на страницахъ „Вѣстника“ присланное въ ея распоряженіе письмо б. рядового 199 пѣх. Кронштадтскаго полка В. К., нынѣ заключеннаго Медвѣдскаго дисциплинарнаго баталіона,—какъ фактическое доказательство той пользы, какую могутъ принести и, дѣйствительно, приносить военные пастыри, внимательно относящіеся къ заключеннымъ на гауптвахтахъ.

Теперь же мои нравственные и религіозныя устои, которые ранѣе стояли на расшатанной почвѣ, окрѣпли и я уже самъ чувствую что я переродился къ лучшему. Мысль о самоуничтоженіи, такъ сильно смутившая меня когда то, исчезла, и будущее мнѣ кажется въ привлекательномъ видѣ. Въ недалекомъ будущемъ я навѣрное буду высланъ для отбытія дальнѣйшаго срока наказанія въ гражданскую тюрьму; наказаніе, которое я долженъ отбывать тамъ меня не страшитъ, но страшно то, что находясь въ преступной средѣ не заразиться бы ихъ наклонностями (вѣдь два года я долженъ буду быть тамъ); хотя все мои принципы противъ всякаго насилія и зла кому то бы ни было. Прошу Вашего благословенія—благословенія бывшаго духовнаго отца, перенести мнѣ это испытаніе съ стоическимъ терпѣніемъ и хладнокровіемъ, и чтобы грязная сторона тюрьмы не коснулась меня и чтобы я по выходѣ изъ нея по окончаніи срока наказанія могъ начать правильную и здоровую жизнь, служа по мѣрѣ силъ тому Обществу въ которомъ буду вращаться, принося матеріальную и нравственную поддержку братьямъ, какъ старшій изъ нихъ.

Дай Богъ, чтобы Ваше предположеніе, выраженное вами въ письмѣ защитнику, оправдалось, я же съ своей стороны сдѣлаю, все что зависитъ отъ меня въ этомъ отношеніи.

Заклуч. № роты Медвѣд. дисц. бат.

бывшій рядовой 199 полка В. К.

Поведенія заключенный върренной мнѣ роты—отличнаго.

Капитанъ Н.

Явленіе умершаго офицера въ чудесномъ сновидѣніи.

Въ журналѣ „Странникъ“ за 1893 г., № 8 (августъ) мы прочитали весьма интересный разсказъ о чудесномъ сновидѣніи, имѣющемъ назидательное значеніе для всѣхъ, а въ особенности для военнослужащихъ.

2 іюля (1893 г.), т. е. назадъ 20 лѣтъ, къ Преосвященному Мартиніану, Епископу Таврическому и Симферопольскому, явились настоятель Петропавловской церкви о. Димитрій Койко и одинъ изъ членовъ мѣстной интеллигенціи, человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, и доложили Владыкѣ о нижеслѣдующемъ: Въ ночь подъ 30-е іюня означенному лицу приснился сонъ, что къ нему подошелъ какой-то офицеръ съ окровавленной повязкой на головѣ и просилъ его передать священнику Петропавловской церкви вопросъ, почему тотъ не молится за него, а равно не молится тѣмъ угодникамъ Божиимъ, мощи которыхъ находятся въ пожертвованной имъ иконѣ. Причемъ прибавилъ, что на Ілію образу этому исполнится 200 лѣтъ. Лицо, видѣвшее этотъ сонъ, немедленно утромъ отправилось къ настоятелю Петропавловской церкви о. Димитрію Койко и

сообщило ему свое сновидѣніе. На это о. Димитрій замѣтилъ, что въ церкви нѣтъ 200-лѣтней иконы, такъ какъ сама церковь существуетъ лишь съ 1805 года, а равно нѣтъ иконъ съ частицами мощей, но, что его удивляетъ явленіе во снѣ офицера, такъ какъ въ церкви есть икона, которую, какъ рассказывалъ ему его предмѣстникъ, протоіерей Рудневъ, нынѣ уже умершій, во время крымской кампаніи привезъ какой то офицеръ и оставилъ въ церкви подъ условіемъ, что если онъ возвратится изъ Севастополя, то возьметъ обратно икону, если не возвратится, то жертвуетъ ее въ храмъ. Неизвѣстный офицеръ не возвратился, и икона осталась въ церкви. Это совпаденіе сна объ офицерѣ съ выше сказанной иконою побудило о. Димитрія Койко осмотрѣть эту святыню, причемъ о. Димитрій, какъ лицу, передававшему сонъ, такъ въ послѣдствіи и Владыкѣ засвидѣтельствовалъ, что, состоя 14 лѣтъ при церкви, онъ ни разу не открывалъ того образа. Немедленно же послали за діакономъ, и всѣ три лица отправились въ церковь и приступили къ осмотру иконы. Результатъ осмотра былъ поразителенъ: икона представляетъ капарисовую доску, на которой старинной живописью изображена Пресвятая Троица, а также лики нѣсколькихъ угодниковъ. Въ особомъ углубленіи помѣщается серебряный крестъ. Когда его съ большимъ трудомъ вынули, то оказалось, что онъ раздвигается и въ серединѣ находятся мощи св. Лазаря, св. великомученика Ѳедора Стратилата, св. Апостола и Евангелиста Луки и св. первомученика архидіакона Стефана. Надписи указываютъ, что тутъ были и другія частицы мощей, въ томъ числѣ и первомученицы Ѳеклы. Но осматривающихъ ждало еще большее удивленіе: внизу креста чуть замѣтною славянскою вязью стояла вырѣзанная надпись, гласящая „ЗСА году“, т. е. 7201 годъ. Потребовали пасхалію и сличили счисленія годовъ отъ сотворенія міра съ счисленіемъ отъ Рождества Христова. Причемъ оказалось, что нынѣшній 1893 годъ соотвѣтствуетъ „ЗУА“, т. е. 7401 году, а слѣдовательно „ЗСА“ (7201) есть 1693 годъ, т. е. дѣйствительно въ нынѣшнемъ году исполняется иконѣ, согласно сновидѣнію, двѣсти лѣтъ. Когда объ этомъ было доложено возвратившемуся изъ поѣздки по епархіи Преосвященному Мартиніану, Епископу Таврическому и Симферопольскому, то Владыка пожелалъ, чтобы этотъ фактъ былъ обнародованъ въ „Таврическихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду того, что имя жертвователя неизвѣстно, а принесенная икона въ Петропавловскую церковь доставлена офицеромъ, не возвратившимся изъ Севастополя, рѣшено ежедневно въ этой церкви совершать заупокойныя ектеніи о воинахъ, павшихъ на полѣ брани за Вѣру, Царя и Отечество.

Было-бы, по нашему мнѣнію, желательно, если-бы явилась возможность, открыть *кто именно* былъ тотъ офицеръ, пожертвовавшій икону и явившійся въ чудесномъ сновидѣніи! Особенно было-бы интересно установить личность этого воина Христа и Царя для той воинской части, гдѣ онъ проходилъ службу, а также для его сродниковъ и однофамиль-

цевъ. Можетъ быть широкая огласка этого факта побудить кого нибудь разузнать личность того офицера всѣми доступными способами! Со времени Крымской кампаніи, осады Севастополя, прошло лѣтъ 60-тъ; если тотъ офицеръ былъ молодой тогда, то могъ дожить и до нашихъ дней, глубокимъ старикомъ или инвалидомъ. Изъ разсказа не видно, почему не вернулся онъ и не взялъ обратно икону, по причинѣ смерти, перемѣны мѣста службы или просто—пожелалъ пожертвовать икону церкви. Принимая во вниманіе явленіе во снахъ офицера съ окровавленной головой, и распоряженіе бывшего Епископа Таврическаго служить заупокойное поминовеніе, офицера того нужно считать въ спискахъ умершихъ.

Помяни, Господи, душу усопшаго раба Твоего, воина (вѣдый именованіе его).

Сообщилъ Протоіерей *Тарасій Иваницкій*.

Два Рождества и двѣ Пасхи ¹⁾.

III.

2 апрѣля 1905 г. намъ стало извѣстно, что 6 и 7 состоится эвакуація нашего госпиталя изъ П.-Артура. Не трудно понять, какая радость охватила насъ при этой вѣсти. Забыты были всѣ тревоги и волненія, пережитыя нами за долгій и мучительно скорбный періодъ осады, забыто горькое чувство униженія предъ японцами и даже китайцами.

Домой, домой, къ роднымъ, къ дорогимъ, на милую Русскую землю!.. Чувство восторга заполнило все существо, заполнило всѣ фибры сердца...

Сейчасъ же начались сборы. Каждый складывалъ свои монетки, утюковывалъ, увязывалъ. Мы могли увезти—каждый до 30 пудовъ груза; хотя японцы старались чинить тому препятствія, которыя, впрочемъ, скоро устранялись при помощи того же средства, которое въ широкой мѣрѣ примѣняется и у насъ на Руси, при помощи „подмазки“ въ видѣ небольшого желтенькаго кружочка, именуемаго пяти-рублевой монеткой: японцы, оказывается, любятъ ее не меньше чѣмъ русскіе.

Нашъ госпиталь для эвакуаціи былъ раздѣленъ на два эшелона, изъ которыхъ первый долженъ былъ оставить П.-Артуръ 6 апрѣля. Я былъ во второмъ эшелонѣ. У всѣхъ насъ была сильная потребность помолиться предъ путешествіемъ, въ виду того, что путь предстоялъ далекій, тяжелый и не безопасный, особенно въ своемъ началѣ: въ морѣ не мало было плавучихъ минъ и нашихъ, и непріятельскихъ,—и вечеромъ 5 апрѣля мною отслужено было молебствіе, о путешествующихъ и по морю плавающихъ.

6 апрѣля часовъ въ 10 утра—первый эшелонъ приготовился къ отправленію и длинной, извивающейся живой лентой двинулся къ вокзалу (теперь японцы исправили путь до самаго П.-Артура). Двинулись за нимъ и мы, остававшіеся до слѣдующаго дня, двинулись, чтобы проводить отъѣзжавшихъ товарищей и попрощаться съ ними до скорого свиданія. На вокзалѣ пришлось пробыть очень долго: много времени почему-то не подавался поѣздъ, медленно производилась погрузка вещей

¹⁾ Окончаніе (см. „Вѣстникъ“ № 9—14 с. г.).

и посадка людей, и только около 2 часовъ дня поѣздъ отошелъ отъ станціи, а мы возвратились домой. Дома насъ ожидалъ пренепрятный сюрпризъ. Долговременное пребываніе на воздухѣ и значительный моціонъ до вокзала и обратно возбудили у каждаго изъ насъ волчій аппетитъ, который мы располагали утолить сытнымъ обѣдомъ, но японцы оставили насъ... безъ обѣда, не отпустивъ почему-то намъ на этотъ день продуктовъ, и только послѣ долгихъ переговоровъ черезъ переводчиковъ намъ удалось выхлопатать у японскихъ врачей десятка два яицъ и три коробки мясныхъ консервовъ; это было нашей пищей на цѣлые два дня—на 12 человекъ, ибо и въ слѣдующій день, т. е. въ день отъѣзда нашего эшелона японцы также не сообразовали отпустить намъ никакого „приварочнаго довольствія“. Въ этотъ послѣдній день нашего пребыванія въ П.-Артурѣ они хотѣли устроить намъ и другую каверзу,—хотѣли лишить насъ перевозочныхъ средствъ для доставленія и насъ самихъ, и нашего скарба на вокзалъ, но послѣ нѣкоторыхъ объясненій и переправки—подводы намъ были предоставлены, и въ 10 часовъ дня 7 апрѣля мы были на вокзалѣ. Здѣсь съ нами та же процедура, что и вчера: погрузка вещей, повѣрка и посадка людей, прощанье съ немногими изъ оставшихся еще въ П.-Артурѣ, вышедшими проводить насъ—соотечественниками, состоявшими при учрежденіяхъ Краснаго Креста. Наконецъ, все уладилось, и мы въ вагонѣ... Звонокъ, свистокъ... И... прощай П.-Артуръ!.. Прощай, очагъ ужасовъ и страданій!.. Прощай, наша гордость и слава, и въ то же время—нашъ позоръ и униженіе!.. Прощайте, могилы многихъ славныхъ русскихъ!.. Прощайте и вы, дорогіе страдальцы!.. Да будетъ для васъ земля П.-Артурская легка, какъ пухъ!.. Мы, оставшіеся въ живыхъ, понесемъ отъ васъ привѣтъ родинѣ,—многострадальной, терзаемой смутою родинѣ!..

Вагонъ, въ который насъ помѣстили японцы, я затрудняюсь назвать удобнымъ: онъ былъ грязенъ и тѣсенъ, но съ этимъ мы охотно мирились, потому во 1-хъ, что пребываніе въ немъ—знали мы—будетъ слишкомъ кратковременно, а 2-хъ и главнымъ образомъ—потому, что настроеніе наше было свѣтлое, радужное. Солдатики нашихъ японцы размѣстили частью въ крытыхъ товарныхъ вагонахъ, а частью на открытыхъ платформахъ, и помѣстившимся на послѣднихъ, на случай дождя, выдали брезенты и рожи, которыми, впрочемъ, пользоваться не пришлось, такъ какъ погода, утромъ хмурая, къ полудню разяснилась. Дорога шла по знакомымъ, но теперь трудно узнаваемымъ мѣстамъ: такъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ времени измѣнилась ихъ физіономія. Всюду попадались окопы, ложементы; мѣстами зіяли глубокія воронки, вырытыя взрывами нашихъ снарядовъ; тамъ и сямъ валялись нераззорвашіеся снаряды, которыхъ японцы, очевидно, еще не успѣли подобрать и убрать; въ иныхъ мѣстахъ возвышались холмики съ дощечками, испещренными японскими іероглифами: то могилы японскихъ солдатъ, павшихъ подъ П.-Артуромъ. Съ 19 версты начинаютъ попадаться склады провіанта и снарядовъ, не использованныхъ японцами во время осады П.-Артура, въ одномъ мѣстѣ я замѣтилъ цѣлый штабель подбитыхъ и вовсе разбитыхъ орудій, а рядомъ большія кучи осколковъ снарядовъ.

Часовъ около 5 вечера мы прибыли въ Дальній. Японцы немедленно приступили къ выгрузкѣ нашихъ вещей. Нельзя сказать, чтобы они соблюдали необходимую сѣторожность, но за то работа положительно кипѣла; и въ какой нибудь часъ весь нашъ скарбъ былъ уже на подводахъ. Но съ пріемомъ насъ они, наоборотъ, не спѣшили; напротивъ—они производили его съ обидной, надоѣдливой медленностью. Насъ нѣ-

сколько разъ построили, перестраивали, снова построили, и опять перестроили; считали и снова пересчитывали; строили и считали мужской и женскій полъ вмѣстѣ; строили и считали тотъ и другой отдѣльно. Отъ такой процедуры отзывало издѣвательствомъ, насмѣшкой; тѣмъ болѣе обидной, что все это совершалось на глазахъ толпы китайцевъ, желтыя рожи которыхъ складывались въ довольно недвусмысленную усмѣшку, несомнѣнно, на нашъ счетъ. Разбирала злость, безысленная, и потому, ужасно жгучая и острая злость. Только около 8 часовъ окончилась эта нелѣпая и дикая процедура, и насъ повели на квартиру.

Ну, и квартира-же! Чего хотите, въ ней ищите, но только не удобства даже самыхъ примитивныхъ, самыхъ элементарныхъ: въ ней не было ни половъ, ни печей, ни оконъ, ни дверей; ни, тѣмъ болѣе, мебели, кроватей—ничего; вмѣсто половъ тамъ были кое-какъ набросанныя доски, которыя подъ вашими ногами, какъ говорится „ходуномъ ходили“, вмѣсто оконныхъ рамъ тѣ же доски съ прорѣзанными въ нихъ малыми отверстиями для свѣта; вмѣсто столовъ опять доски, положенныя на невысокихъ деревянныхъ козлахъ; вмѣсто стульевъ, толстые чуряки, вмѣсто печей, чугуны съ угольями, распространиющіе сильное зловошіе; а вмѣсто кроватей—ничего. Но за то ее можно назвать „продувною“, ибо и изъ оконъ, и изъ дверей, и изъ пола, и потолка—отовсюду продувало васъ; другое достоинство ея было въ „сильной протекціи“. Хотя домъ, въ которомъ помѣстили насъ любезные японцы и былъ покрытъ, но только на спѣхъ и вчернѣ, и крыша мѣстами просвѣчивала и пропускала течь, которая за отсутствіемъ прочнаго потолка—проникала и въ комнаты. Не смотря, однако, на всѣ эти неудобства, не смотря, далѣе, на страшную надоѣдливость японцевъ, пересчитывавшихъ и провѣрившихъ насъ ежедневно и еженощно десятки разъ, какъ будто бы могли и обнаруживали поползновеніе куда-нибудь удрать, не смотря, наконецъ, на скудость пищи, которая къ тому-же выдавалась намъ въ сыромъ видѣ и готовилась нами въ силу обстоятельствъ самымъ варварскимъ образомъ—мы были веселы. Всѣхъ оживляла мысль, что все это скоропроходяще, и что мы ѣдемъ домой... домой...

Въ Дальнемъ мы пробыли двое сутокъ. 9 апрѣля утромъ намъ сообщили, что сегодня же состоится наша посадка на пароходъ для дальнѣйшаго слѣдованія. Да объ этомъ и сами мы догадались бы, если бы намъ и ничего не говорили: слишкомъ ужъ тщательна была на этотъ разъ провѣрка насъ японцами. Около 9 часовъ поданы были подводы для отправки на приставъ нашихъ вещей, а самимъ намъ приказано—построиться на площади у дома, который мы занимали. Вскорѣ явились японскіе офицеры и чиновники, и повторилась старая исторія провѣрки, надоѣвшая до тошноты. И теперь насъ строили и перестраивали, считали и пересчитывали, и вкупѣ мужской полъ и женскій, и въ отдѣльности каждый. Мы обозлились и начали школьничать и бѣсить японцевъ, незамѣтно для нихъ перебѣгая съ мѣста на мѣсто, изъ одного ряда въ другой.

Не могу не упомянуть здѣсь объ одномъ трагикомическомъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто какъ разъ во время провѣрки. У одной изъ сестеръ (добровольныхъ) милосердія своднаго госпиталя, эвакуированнаго изъ П.-Артура двумя днями раньше насъ и ожидавшего насъ въ Дальнемъ, именно у жены Тюренченскаго героя, священника о. Щ—го, былъ попугай, находившійся въ клѣткѣ. Какъ на грѣхъ, во время провѣрки дверка клѣтки открылась, и попугай, очевидно, любящій свободу, не преминулъ воспользоваться симъ благоприятнымъ обстоятельствомъ, вышелъ

изъ заключенія и преблагополучно взлетѣлъ на крышу дома. Надо было видѣть огорченіе матушки. Какъ она звала своего попочку, какъ убѣждала возвратиться къ ней, но онъ—коварный и жестокосердый, не внявъ ея мольбамъ и, рѣшивъ, что свобода даже среди враговъ лучше неволи среди своихъ, предпочелъ остаться въ Дальнемъ.

Но вотъ мы на пристани у самаго парохода, и опять повѣрка—можетъ быть—сотая, но за то и послѣдняя,—а за нею и посадка на пароходъ,—посадка, прошедшая не безъ курьеза. Дѣло въ слѣдующемъ: одинъ изъ врачей 13 Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка, прикомандированный къ нашему госпиталю—К—въ имѣлъ очень хорошую охотничью собаку, съ которой ни за что не хотѣлъ разстаться. Заручившись разрѣшеніемъ коменданта П.-Артура, генерала Идзидзи, челоуѣка къ русскимъ весьма благожелательнаго, онъ безпрепятственно довезъ ее до Дальняго. Но начальственная компетенція коменданта не распространялась на море. Дальнѣйшее разрѣшеніе на провозъ собаки могло быть дано лишь морскимъ начальствомъ. Но гдѣ его искать? К—въ рѣшилъ обратиться къ капитану парохода, который былъ предоставленъ намъ. Командиръ оказался челоуѣкомъ также благожелательнымъ; и онъ если и не разрѣшилъ К—ву провести собаку, то и не поставилъ къ тому препятствій, давъ даже понять, какъ легче и удобнѣе провести ее на пароходъ. Онъ на просьбу К—ва о собакѣ отвѣтилъ ему, что дать разрѣшенія на провозъ собаки онъ не можетъ: это превышаетъ его права; но что пронести на пароходъ багажъ, въ чемъ бы онъ не заключался—можно. К—въ моментально сообразилъ, что нужно сдѣлать: онъ на глазахъ всѣхъ посадилъ ее въ мѣшокъ и преспокойно прошелъ на пароходъ. Но это еще не самое интересное и курьезное. Курьезъ въ дальнѣйшемъ: у сестры милосердія 11 госпиталя Т—ъ оказалась маленькая собачка, провезенная ею изъ П.-Артура контрабандой, а докторъ Б—въ уже въ Дальнемъ пріютилъ собаку, оставленную здѣсь однимъ изъ докторовъ, проѣхавшихъ раньше. Имѣя въ виду прецедентъ съ собакой К—ва, и сестра и докторъ рѣшили и своихъ животныхъ обратить въ багажъ, но у нихъ не оказалось мѣшка. Докторъ Б—въ находчивъ: онъ завертываетъ свою собаку въ бурку, та рвется, кричитъ, вызывая общій смѣхъ и японцевъ, во главѣ съ пароходнымъ командиромъ, и нашихъ. Наконецъ, собака одолѣна и водворяется на пароходѣ. Тоже потомъ онъ продѣлываетъ и съ собакой сестры. Такимъ образомъ число пассажировъ на пароходѣ увеличивается сверхъ списковъ японцевъ—еще тремя пассажирами и при томъ даже четвероногими. Этотъ курьезъ ясно свидѣтельствуешь, что и японцы иногда склонны обходить, и обходятъ разныя запретительныя распоряженія своего начальства.

Велѣдъ за посадкой людей японцы приступили къ погрузкѣ на пароходъ нашихъ вещей. Надо отдать имъ справедливость, грузили они очень быстро, какъ и раньше выгружали эти же вещи изъ вагоновъ,—но въ то же время варварски небрежно: нѣкоторые тюки вмѣсто трюмовъ попадали въ воду, другіе недостаточно прочно упакованные, попадали въ трюмъ въ самомъ жалкомъ—изуродованномъ видѣ. Такая участь постигла, напр., тюкъ съ канцеляріей своднаго госпиталя.

Пароходъ, на которомъ насъ помѣстили, назывался „Ieddu maru“. Это было весьма ветхое и невозможно грязное грузовое судно, въ которомъ на классныя каюты не было даже намека. Всѣмъ намъ: и офицерамъ, и чиновникамъ, и сестрамъ милосердія и нижнимъ чинамъ пришлось спуститься въ мрачные трюмы, какъ въ нѣкую преисподнюю; при чемъ офицерскіе чины и сестры милосердія—словомъ привилегиро-

ванное сословіе—размѣщены были въ носовомъ трюмѣ, а солдаты—въ кормовомъ, какъ болѣе обширномъ. Первый трюмъ деревянною перегородкою на подобіе тѣхъ, какія дѣлаются въ курятникахъ—былъ раздѣленъ на двѣ неравныя части. Большую заняли мужчины, меньшую—женщины. Такое раздѣленіе дало обильный матеріалъ для шутокъ, смѣха, остротъ. Мы бросали дамамъ крошки, какъ курамъ; подавали имъ кусочки хлѣба и мяса, какъ прирученнымъ звѣрькамъ.

Ночь мы простояли на рейдѣ Дальняго, ибо плыть ночью близъ П.-Артура было болѣе, чѣмъ рискованно въ виду, какъ я уже упоминалъ, множества плавающихъ нашихъ и японскихъ минъ. И только съ разсвѣтомъ 10 апрѣля—въ праздникъ входа Господня въ Іерусалимъ—мы оставили злополучный для насъ Квантунъ.

Утро было великолѣпное на рѣдкость; море подъ лучами солнца горѣло и искрилось какъ расплавленное золото; мириады летающихъ рыбокъ бороздили водную равнину во всѣхъ направленіяхъ, оставляя на поверхности ея свѣтлую рябь; воздухъ былъ удойтельно прекрасенъ, пропитанъ бодрящей свѣжестью. Начало путешествія не оставляло желать лучшаго. Для меня это путешествіе представляло особую прелесть—прелесть новизны: до сихъ поръ мнѣ не приходилось бывать на морѣ. Одно только обстоятельство волновало меня, какъ священника,—это невозможность въ дни великихъ міровыхъ воспоминаній совершать Богослуженія и необходимость замѣнять ихъ лишь чтеніемъ Евангелія. Впрочемъ, съ переходомъ въ Чифу на другой пароходъ мы съ священникомъ своднаго госпиталя о. С—мъ устроили служеніе, только, конечно, не Литургіи.

Пароходъ шелъ самымъ тихимъ ходомъ, не болѣе 4-хъ узловъ въ часъ—изъ опасенія натолкнуться на плавающую мину. Пароходная администрація наблюдала особую осторожность и бдительность: и съ мачтъ, и съ капитанскаго мостика матросы не отрывали глазъ, вооруженныхъ сильными биноклями—отъ моря.

Около 5 часовъ вечера мы прибыли въ Чифу, гдѣ насъ уже ожидалъ пароходъ „München“, зафрахтованный Русскимъ правительствомъ для перевозки П.-Артурцевъ отъ Чифу до Шанхая. Мы тотчасъ перенбрались на этотъ пароходъ, только теперь почувствовалъ себя совершенно свободными и независимыми отъ японцевъ.

Пароходъ „München“—это не то, что старая шаланда „Ieddo-maru“,—это новое, шикарное судно. Какъ пріятно было послѣ убійственной грязи и пыли попасть въ идеально чистую и уютную обстановку. Сейчасъ же большинство изъ насъ приняли ванну и переодѣлись въ чистое бѣлье и платье. Въ 7 часовъ подана была закуска легкая, а вслѣдъ за ней и ужинъ. Это было какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ мы всѣ чувствовали волчій аппетитъ. На столахъ разставлены были всякія деликатесы: колбасы, ветчина, сыры, икра, балыки и т. п., отъ которыхъ во время П. Артурскаго сидѣнія мы совершенно отвыкли и наслаждались ими тамъ только въ воображеніи. Диво ли, что при видѣ ихъ въ дѣйствительности—у каждаго изъ насъ потекли слюнки. Ужинъ былъ тоже на славу. И по обилію блюдъ, и по ихъ разнообразію и вкусу онъ могъ удовлетворить самаго завзятаго, самаго избалованнаго и придиричаваго гастронома. Намъ же, невидѣвшимъ ничего порядочнаго въ теченіи болѣе, чѣмъ года—онъ представился прямо-таки лукулловскимъ. При этомъ какая предусмотрительность:—въ виду поста—желающимъ подавались постныя рыбныя блюда. И, надобно сознаться, мы оказывали каждому блюду надлежащее вниманіе и должную честь, уничтожая все, что намъ подавалось.

Выходъ „München'a“ изъ Чифу состоялся на восходѣ солнца 11-го апрѣля (въ великій понедѣльникъ), и мы его проспали. Когда я проснулся, мы были уже далеко въ открытомъ морѣ. Берегъ представлялся едва замѣтной туманной полоской. Вѣтеръ свѣжалъ, начиналась волна; а съ нею качка. Со многими приключилась несносная морская болѣзнь. Меня отъ нея Богъ миловалъ: во время качки чувствовалась небольшая неловкость въ желудкѣ и тупая боль въ затылочной части головы. Къ ночи вѣтеръ стихъ, но за то на море спустился густой туманъ, окутывавшій пароходъ бѣловатой, едва проникаемой пеленой. Ходъ корабля убавили до minimum'a, черезъ каждыя 2—3 минуты кричала сирена, своимъ мучительно-заунывнымъ голосомъ нагоняя жуть и тоску.

Черезъ двое сутокъ, т. е. 13 апрѣля (въ великую среду) утромъ мы входили въ мутныя воды Желтой рѣки (Ян-сенанга), на лѣвомъ берегу которой раскинуть громадный—китайскій по территории и интернациональный по характеру населенія и построекъ—городъ Шанхай. Начиналось ненастье, хляби небесныя, воистину, разверзлись и испускали струи воды. Волей-неволей пришлось сидѣть на пароходѣ. Только начальника эшелона не удержалъ дождь. Ему нужно было снестись съ русской комиссией по эвакуаціи П.-Артурцевъ, чтобъ узнать дальнѣйшую свою судьбу. Свѣдѣнія онъ получилъ весьма печальныя: 1, не было еще найдено помѣщеніе для прибывшаго эшелона, какъ будто его и не ожидали; 2, эшелону предстояла очень непріятная перспектива—пробыть въ Шанхаѣ отъ 3 до 4 недѣль, такъ какъ на очереди къ отправкѣ въ Россію стоятъ два-три эшелона, прибывшіе въ Шанхай около мѣсяца назадъ и 3, приостановлена была выдача путевого довольствія и при томъ весьма значительнаго (около 1000 р.). Впрочемъ, послѣдняя непріятность насъ не коснулась; на завтра же было получено распоряженіе изъ Петербурга—продолжать выдачу названнаго пособія. Меня лично миновала и чаша долгаго пребыванія въ Шанхаѣ, такъ какъ на завтра же я получилъ прикомандированіе къ эшелону морскаго госпиталя, отходившему изъ Шанхая въ самые ближайшіе дни. Случилось это при такихъ обстоятельствахъ. 14 (въ великій четвергъ) утромъ я явился въ консульство, чтобъ устроить свои личныя дѣла; и тамъ, во 1-хъ узналъ, конечно, съ удовольствіемъ, что путевого довольствія мы не лишены, и во 2-хъ встрѣтился съ главнымъ врачомъ П.-Артурскаго госпиталя—М. Н. О—мъ и получилъ отъ него предложеніе прикомандироваться къ его госпиталю, который отбываетъ изъ Шанхая черезъ 2—3 дня,—такъ какъ священникъ госпиталя—велѣдствіе ненормальныхъ и враждебныхъ его отношеній къ служебному персоналу госпиталя—не могъ слѣдовать далѣе съ нимъ и долженъ былъ остаться на время въ Шанхаѣ. Какъ ни жалъ мнѣ было оставлять своихъ сослуживцевъ по П.-Артуру, съ которыми я сжился и сроднился, но сильное желаніе поскорѣе ступить на родную землю, увидѣть своихъ родныхъ—взяло верхъ надъ сожалѣніемъ, и я принялъ предложеніе. Пока устраивалась формальная сторона перевода моего къ морскому госпиталю, я изхлопоталъ тотъ же переводъ и для моего деньщика и для своего церковника, получилъ и для себя и для нихъ путевого довольствіе, бѣгло осмотрѣлъ Шанхай, повидѣлся съ прежде насъ пріѣхавшими сюда П.-Артурцами и около 6 часовъ вечера возвратился на пароходъ, гдѣ тотчасъ, совмѣстно съ священникомъ своднаго госпиталя, о. С—мъ, приступили къ чтенію 12 страстныхъ евангелій. Какъ живая—на страницахъ священной книги—развертывается картина страданій Спасителя, поражая, съ одной стороны, необъятностью любви Богочеловѣка къ человѣку, а—съ другой—невыразимостью злобы, ко-

варства, жестокосердія, несправедливости облагодѣтельствованныхъ къ своему Благодѣтелю! Слушающихъ было много, могло бы быть ихъ и больше, если бы позволяло мѣсто,—но шель дождь и заставилъ насъ совершать богослуженіе не на верхней—обширной палубѣ, а въ столовой—сравнительно небольшихъ размѣровъ.

Вечеромъ—послѣ службы, въ тотъ же день мои добрые сослуживцы по П.-Артуру устроили для меня прощальную трапезу. Не будучи по обстоятельствамъ времени обильной и разнообразной, она была очень искренней и сердечной. И я чувствую потребность—и еще разъ черезъ долгій промежутокъ времени—свидѣтельствовать имъ свою глубокую благодарность. Здѣсь же на трапезѣ у кого-то явилась мысль или, вѣрнѣе, пожеланіе—завтра всѣмъ участникамъ ея сняться группой. Мысль была одобрена и осуществлена. Завтра приглашенъ былъ на „Münhen“ фотографъ и запечатлѣлъ насъ на своемъ аппаратѣ.

Въ Шанхаѣ есть русская колонія, насчитывающая въ себѣ до 200 человѣкъ, для этой колоніи есть здѣсь православный храмъ, находящійся въ вѣдѣніи пекинской миссіи. Здѣсь въ это время проживалъ начальникъ миссіи, епископъ Иннокентій. У меня загорѣлось желаніе—помолиться въ великій день страстной пятницы въ православномъ благоустроенномъ храмѣ за богослуженіями, полными великой назидательности и умиленности и, при томъ совершаемыми епископомъ. Я поѣхалъ въ храмъ къ 2 часамъ дня, и пробылъ тамъ до 10 вечера, прослушавъ вечерню съ выносомъ плащаницы и утреню съ величественнымъ обрядомъ погребенія Христа. Богослуженіе совершалось съ возможною торжественностью, при чемъ пѣлъ довольно благоустроенный хоръ, состоящій частью изъ русскихъ, частью изъ православныхъ китайцевъ. Небольшая сравнительно миссійская церковь была полна народомъ: тутъ на лицо была вся русская колонія—во главѣ съ нашимъ консуломъ въ Шанхаѣ, тутъ же были наши—военный агентъ Д—но и посланникъ при Ксрейскомъ дворѣ П—въ, тутъ же было не мало православныхъ китайцевъ. Картина Богослуженія обращала мысль къ библейскимъ временамъ, когда немногіе послѣдователи распятаго Спасителя погребали Его, уже умершаго—тайно отъ Его враговъ подъ покровомъ темной ночи въ саду Геосиманскомъ.

Къ вечеру Страстной Субботы (16 апрѣля), распростившись сердечно съ милыми сотрудниками по П.-Артурскому 6-му госпиталю, очень завидовавшими моему счастью—много скорѣе ихъ ступить на родную почву, я перебрался съ „Münhen“а“ на пароходъ „Jalunga“, на которомъ слѣдовалъ эшелонъ морского госпиталя, представляющій теперь мою паству. О „Jalung“ѣ“ можно сказать только то, что это судно довольно подержанное, не отличающееся чистотой, ни удобствами, ни быстротой хода; оно было зафрахтовано русскимъ правительствомъ у англичанъ для рейсовъ между Шанхаемъ и русскими Черноморскими портами на время эвакуированія русскихъ войскъ съ Квантуна и Японіи. Эшелонъ нашъ состоялъ изъ 82 человѣкъ офицерскихъ и классовыхъ чиновъ и сестеръ милосердія и 1.200 человѣкъ матросовъ, служителей и больныхъ морского госпиталя. И среди офицеровъ и среди матросовъ были сущіе калѣки, возбуждавшіе своимъ видомъ глубокое чувство сожалѣнія и состраданія, таковы напр.—лейтенанты Р—въ и Л—въ, съ ампутированными ногами, чиновникъ морского вѣдомства де-Л—ръ, лишенный обѣихъ ногъ, лейтенантъ Д—въ съ сведенными и парализованными ногами; а у одного матроса не доставало обѣихъ ногъ и одной руки.

Въ 12 часовъ ночи началась пасхальная утренняя. Кто не переживалъ свѣтлыхъ пасхальныхъ впечатлѣній! Нѣтъ горя, нѣтъ печали, которая была бы способна совершенно затмить радость Пасхи,—этого величайшаго христіанскаго праздника. Даже въ П.-Артурѣ, гдѣ царилъ смерть и разрушеніе, даже и тамъ въ святые дни этого праздника чувствовался священный восторгъ; его не могли совершенно заглушить ни громъ пушекъ, ни трескъ снарядовъ... Теперь же, когда эти ужасы отошли для насъ въ область тяжелыхъ, кошмарныхъ воспоминаній, когда мы были на свободѣ, были на пути къ родинѣ и роднымъ, наша праздничная радость, нашъ религіозный восторгъ достигли самаго высокаго напряженія. Хотѣлось молиться и плакать, плакать слезами радости! И я, и нашъ госпитальный хоръ, организовавшійся изъ госпитальной прислуги и больныхъ, подъ руководствомъ помощника дѣлопроизводителя госпиталя С—ва, влагали въ торжественныя Пасхальныя пѣснопѣнія все свое чувство, всю свою душу. Богослуженіе совершалось на палубѣ подъ открытымъ небомъ, по темному фону котораго золотыми точками блестяли мириады звѣздъ,—совершалось среди природы, совершалось въ величайшемъ изъ храмовъ Великаго Бога! Сколько въ этомъ было величія, неизяснимой прелести, высокой священной поэзіи! Казалось, что Самъ Богъ съ высоты Своего Пренебеснаго Престола внимаетъ священнымъ пѣснямъ и благословляетъ наше торжество. Мощные звуки пасхальныхъ пѣсней, разрывая тишину ночи, неслись вверхъ и стлались по низу, по спокойной поверхности рѣки, проникали въ спавшій языческой городъ, какъ бы приобщая къ торжеству и висѣвшій надъ нами темный съ золотыми звѣздочками сводъ небесный, и эту тихо плещущую подъ нашими ногами рѣку, и этотъ спавшій городъ... Дивные, чудные, чарующіе моменты!.. И потомъ во все продолженіе пути до Россіи, совершая праздничныя богослуженія и участвуя съ матросами въ утреннихъ и вечернихъ молитвахъ,—я проникался какимъ-то особеннымъ чувствомъ, чувствомъ близости къ Богу; меня охватывало какое-то возвышенное настроеніе... Люблю я молиться при такой обстановкѣ; люблю слушать мощное пѣніе священныхъ пѣсней массою людей, практикуемое во флотѣ—во всякое, а въ войскахъ—въ лѣтнее лагерное время! Оно очищаетъ и возвышаетъ душу.—Въ концѣ богослуженія я обратился къ матросамъ съ словомъ, въ которомъ уяснилъ значеніе Воскресенія для челоуѣчества и изобразилъ всю безпредѣльность радости, осѣнившей свв. апостоловъ и жень муроносицъ при вѣсти объ этомъ величайшемъ событіи, радости, которая, передавалась изъ рода въ родъ—осѣняетъ въ дни воспоминаній Воскресенія Христова каждого вѣрующаго, заставляя трепетно биться его сердце и вытѣсняя отсюда все злое и враждебное. „Это чувство радости, заключилъ я свое слово, это благодѣтельное, умиротворяющее вліяніе праздника мы испытываемъ на себѣ, и испытываемъ особенно полно и ощутительно. Гдѣ ваше вчерашнее злобное чувство, гдѣ ваша вражда къ ближнему? Она подъ вліяніемъ лучей свѣтоноснаго Воскресенія—исчезла изъ вашихъ сердецъ, яко дымъ, и растаяла, яко воскъ отъ лица огня. Вы, послушные призыву св. Церкви: простимъ вся воскресеніемъ—несомнѣнно, готовы искренно обнять и облобызать пасхальнымъ лобзаніемъ тѣхъ, кого вчера еще считали своими врагами—и вмѣстѣ съ ними едиными устами и единымъ сердцемъ воспѣть Воскресшему Христу торжественную пѣснь „Христосъ воскрес!“

Богослуженіе окончилось. Я пошелъ освятить пасхальные столы матросовъ. У нихъ царило оживленіе. Въ столовой было приготовлено разговѣнье для класныхъ пассажировъ. Здѣсь были и яйца, и окорока,

и сырная пасха, и куличи. Все это, и то, что я видѣлъ у матросовъ, приготовлено было кондитерами китайцами и японцами, и приготовлено въ томъ самомъ видѣ и вкусѣ, какъ это дѣлается у насъ въ Россіи.

Разговѣвшись, мы разошлись по своимъ каютамъ и проснувшись увидѣли себя далеко отъ Шанхая.

Наша „Ialunga“ подняла якорь въ 6 часовъ утра 17 апрѣля—перваго дня св. Пасхи.

Природа соотвѣтствовала нашему праздничному настроенію. Погода стояла великолѣпная на небѣ ни облачка, солнце свѣтитъ во всю и мы положительно купаемся въ лучахъ его, на морѣ полный штиль; водная гладь не шелохнется, только время отъ времени выпорхнутъ изъ воды летучія рыбы, да развѣ иногда рѣзвые дельфины захотятъ посостязаться въ бѣгѣ съ нашей „Ialung'ой“, выскакивая изъ воды и снова погружаясь въ ея темныя пучины. Всѣ пассажиры выспали, какъ пчелы изъ улья, на спордѣхъ подышать и насладиться свѣжимъ морскимъ воздухомъ. Мы еще не вступили въ область тропиковъ; поэтому солнце скорѣе ласкало, чѣмъ жгло; не было той убійственной, невыносимой жары, которая отравляла наше дальнѣйшее путешествіе отъ Формозы до Суэца, и въ особенности отъ Сингапура до Коломбо; когда отъ нея не было спасенія ни днемъ, ни ночью; когда казалась тяжелой не только — хотя бы паутинная рубашка, но даже собственная кожа; когда мы буквально истекали потомъ, не смотря на то, что по десятку разъ въ сутки купались въ ваннѣ.—Теперь жары этой еще не было; дышалось свободно и легко. И если что не хватало для полной прелести путешествія — это разнообразія окружающихъ видовъ и картинъ: кругомъ вода и небо, небо и вода...

Все дальнѣйшее наше путешествіе прошло безъ инцидентовъ, доставивъ новичкамъ въ этомъ пути, какъ напр., мнѣ не мало прекрасныхъ минутъ и истиннаго наслажденія. Восхитительная южная природа—съ ея разнообразнѣйшей и пышнѣйшей растительностью, съ ея цвѣтнымъ населеніемъ, съ ея великолѣпной фауной, съ благоустройствомъ ея городовъ—навсегда останется въ мсей памяти, какъ свѣтлое, хотя и мимолетное видѣніе.

Въ Сингапурѣ, Коломбо, Аденѣ, Суецѣ, Портъ-Саидѣ и Константинополѣ мы дѣлали не очень продолжительныя остановки, необходимыя для запасовъ топлива и продуктовъ, при чемъ имѣли возможность сойти на берегъ лишь въ первыхъ двухъ городахъ; въ остальныхъ же пунктахъ намъ сего не разрѣшили въ виду случая чумы, имѣвшаго мѣсто въ Аденѣ.

Не хочется умолчать объ одномъ комическомъ казусѣ, въ которомъ я былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Въ Коломбо мы большой компаніей отправились пообѣдать въ загородную гостиницу „Monte-Savinia“, привлекающую туристовъ своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ на самомъ берегу моря—въ паркѣ изъ гигантскихъ пальмъ и другихъ тропическихъ растений, среди цвѣтниковъ, роскошь которыхъ прямо изумительна, и передъ представленіемъ о которыхъ спасуетъ самое пылкое воображеніе. Здѣсь, по обычаю, была масса публики всѣхъ національностей. Мой духовный костюмъ, котораго я не счелъ нужнымъ снимать и въ заграничныхъ портахъ, привлекъ вниманіе одной американской семьи, которая, заслушавъ за нашимъ столомъ англійскую рѣчь (двое изъ нашей компаніи докторъ Н—й и лейтенантъ де-Л—нъ свободно владѣютъ англійскимъ языкомъ), посылаетъ своего главу познакомиться съ нами и испросить у меня позволенія снять съ меня фотографію. Я не

преминуль дать свое согласіе, и былъ сфотографированъ джентльменомъ, который, благодаря меня за любезное удовлетвореніе его просьбы, между прочимъ, замѣтилъ, что моя фотографія самый рѣдкій экземпляръ, это въ своемъ родѣ unique въ его фотографической коллекціи. Не мало потомъ было у насъ шутокъ по поводу этого „рѣдкаго экземпляра“, этого „unique“, который болѣе, чѣмъ вѣроятно—по возвращеніи любителя-джентльмена на родину—фигурировалъ въ многихъ американскихъ иллюстрированныхъ журналахъ.

Конецъ нашего путешествія былъ омраченъ вѣстью о разгромѣ адмираломъ Того нашей эскадры адмирала Р—скаго при Цусимѣ. Эту вѣсть мы получили въ П.-Саидѣ, и подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ ея 21 мая 1905—вступили въ Севастополь на родную Русскую землю. И не смотря на тяжелый ударъ Цусимскаго погрома—лишь только нога коснулась родной, милой почвы—на сердце спустилась тихая радость. Слава Богу, наконецъ-то мы у себя!

Свящ. Н. Рождественскій.

Возраженіе на „четвертое письмо“ строевого капитана¹⁾.

„Строевой Капитанъ“, движимый благими намереніями — помочь военному духовенству въ его работѣ по воспитанію пасомыхъ, выступаетъ на страницахъ нашего „Вѣстника“ съ совѣтами военнымъ пастырямъ. Въ послѣднемъ „четвертомъ письмѣ“ слѣдуетъ отмѣтить нѣсколько существенныхъ ошибокъ, которыя дѣлаютъ совѣты его неприемлемыми.

1-я ошибка—сравненіе военныхъ священниковъ съ пророками и апостолами, 2-я—заключается въ умолчаніи очень важнаго наставленія Іисуса Христа апостоламъ о змѣиной мудрости въ дѣлѣ проповѣди и 3-я—„въ поставленіи священникомъ для себя цѣлью во чтобы то ни стало сломить порокъ въ лицѣ упорствующаго“ (стр. 495).

Сравненіе священниковъ съ пророками и апостолами—неудачно. Пророкъ и апостоль слишкомъ большая мѣрка. Выступать съ такимъ большимъ мѣриломъ къ посредственнымъ людямъ это все равно, какъ если бы измѣрять верстой комнату. Почему Вы, Г. „Строевой Капитанъ“, только строевой капитанъ, а не генералиссимусъ Суворовъ и не гениальный Наполеонъ?.. Если не возможно, чтобы всѣ г.г. офицеры были Суворовыми и Наполеонами, почему же вамъ кажется, что всѣ военные священники непременно должны быть пророками или апостолами, жечь глаголами сердца людей, обличать не только простую сѣрую братію, но даже и „истину царямъ съ улыбкой говорить“ (Щедринъ)?

Вы забыли, что задачи пророковъ, апостоловъ и священниковъ имѣютъ значительную разницу. Господь говоритъ пророку Іереміѣ: *смотри, Я поставилъ тебя въ сей день надъ народами и царствами, чтобы искоренять и разорять, губить и разрушать, созидать и насаждать*“ (1 гл. 10 ст.). Вотъ какіе широкіе горизонты открылъ Господь для дѣятельности пророка: онъ долженъ разрушить отжившія нормы жизни и созидать и насаждать новыя, и избралъ его еще до рожденія, какъ исключительную сильную натуру для такой великой дѣятельности. Такія же необыкновенное призваніе и чрезвычайныя полномочія

¹⁾ См. № 13—14, стр. 494—498 „Вѣст. воен. и морск. дух.“ сего года.

къ созданію новыхъ законовъ жизни даны были отъ Бога и другимъ пророкамъ.

Но на протяженіи 5508 лѣтъ ветхозавѣтной исторіи было очень мало пророковъ: по два, или по три пророка на „тысячелѣтіе“, они трудились въ простой первобытной обстановкѣ людскихъ отношеній, когда цари были пастухами и пахарями. Поэтому обличительная дѣятельность нѣкоторыхъ изъ пророковъ была продолжительна.

Господь Іисусъ Христосъ избралъ 12 и 70 человекъ, лучшихъ изъ среды своихъ единоплеменниковъ единовѣрцевъ въ число своихъ учениковъ, будущихъ апостоловъ, — но одинъ изъ нихъ былъ предатель, — избралъ ихъ для созиданія и насажденія царства Божія на землѣ, поставилъ ихъ насадителями новыхъ началъ жизни.

Въ это время людская жизнь утратила простоту, сдѣлалась сложнѣе, поэтому грозныя обличенія послѣдняго великаго изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ Предтечи и Крестителя Іоанна недолго гремѣли раскатами грома по Іорданской пустынѣ; въ послѣдній разъ онѣ грозно прозвучали въ роскошныхъ палатахъ Галилейскаго правителя Ирода, чтобы разбудить уснувшую его совѣсть и навѣки замолкли подъ мрачными сводами Махерунта.

Поэтому, чтобы апостольская дѣятельность не оборвалась въ самомъ началѣ безъ пользы для великаго святого дѣла перевоспитанія человека въ духѣ христіанства, Господь Іисусъ Христосъ, посылая апостоловъ на проповѣдь, преподаетъ имъ очень важныя совѣты благоразумія и осторожности. „Въ какой бы городъ или селеніе ни вошли вы, навѣдывайтесь, кто въ немъ достоинъ, и тамъ оставайтесь, пока не выйдете. А если кто не приметъ васъ и не послушаетъ словъ вашихъ, то, выходя изъ дома или изъ города того, отрясите прахъ отъ ногъ вашихъ. Вотъ, я посылаю васъ, какъ овецъ среди волковъ: итакъ будьте мудры, какъ змии, и просты, какъ голуби. Остерегайтесь же людей: ибо они будутъ отдавать васъ въ судилища и въ синагогахъ своихъ будутъ бить васъ. Когда будутъ гнать васъ въ одномъ городѣ, бѣгите въ другой“. Іисусъ Христосъ далъ ученикамъ своимъ власть надъ нечистыми духами, чтобы изгонять ихъ и врачевать всякую болѣзнь и всякую немощь. „Больныхъ исцѣляйте, прокаженныхъ очищайте, мертвыхъ воскрешайте бѣсовъ изгоняйте“ (Мѡ. 1, 8, 11, 14, 16 и 23 ст. X-й гл.).

Чтобы быть апостоломъ, выполнить великое святое дѣло, завѣщанное Христомъ, нужно отказаться отъ удобствъ домашней жизни, родственныхъ привязанностей: отъ отца, матери, жены, дѣтей, братьевъ и сестеръ, какъ отказались отъ всего этого апостолы; слѣдуетъ отречься отъ хорошо оплачиваемыхъ должностей, какъ отказался бывший мытарь, евангелистъ Матѳей, необходимо пройти суровую школу лишеній.

Теперь, если сопоставить свободную дѣятельность пророковъ и апостоловъ, подчиняющихся только одному велѣнію Бога, широкую программу ихъ провѣднической и чудотворно-цѣлебной дѣятельности по насажденію новаго царства Божія на землѣ, чрезвычайныя духовныя дарованія ихъ и простой укладъ жизни той эпохи и сравнить со служебною зависимостью предъ государствомъ не только рядовыхъ іереевъ, но и первоіерарховъ нашей церкви, съ почтенною, но строго ограниченою ихъ работою, съ заурядными способностями большинства священно-служителей, съ сложнымъ и утонченнымъ современнымъ бытомъ нашего общества, тогда и будетъ понятна ошибка „г. строевого капитана“ въ неудачномъ сравненіи военныхъ священниковъ съ пророками и апостолами и неприемле-

мость его совѣтовъ по обличенію пасомыхъ въ духѣ ветхозавѣтныхъ пророковъ.

Военные священники не законодатели и не установители новыхъ нормъ жизни, не пророки и не апостолы. Они ограничены въ своей дѣятельности сотнями статей всевозможныхъ законовъ: Номоканона церкви, Свода Воен. Постановленій, Положенія объ управ. церк. и дух. воен. и морск. вѣдом., Устава Дух. Консисторій, Указами Св. Синода, циркулярами и разъясненіями своего духов. начальства, и предъ рукоположеніемъ давали присягу объ исполненіи законовъ. Коротко сказать: апостолы и пророки, были создателями нормъ христ. жизни, т. е. закона ея, а пастыри только скромные исполнители, охранители и толкователи его народу по духу ученія церкви.

Вы же г. „строевой капитанъ“, забывъ всю эту сѣть земной законности, которою окутана жизнь ваша, духовенства и всего русскаго общества, рекомендуете забыть ее пастырямъ и совѣтуете руководствоваться тѣми Божественными повелѣніями, которыя изречены были пророку Моисею и др. пр., когда еще писаннаго закона не было, или хотя онъ и былъ, но не успѣлъ еще обнять жизнь людей въ ея подробностяхъ, т. е. вы толкаете на скользкій путь игнорированія современнаго уклада нашего быта. Сдѣлать такой смѣлый шагъ, конечно, не посмѣютъ не только іереи, но даже и первоіерархи наши и не отъ трусости, а единственно потому, что такое выступленіе, не принеся пользы людямъ, можетъ погубить самое дѣло пастырей. „Строевой Капитанъ“ и самъ соглашается съ тѣмъ, что при такой открытой прямолинейной дѣятельности духовенства „его сначала перестанутъ хвалить, потомъ начнутъ ругать и, наконецъ, гнать“ и, слѣдовательно, дѣло можетъ остаться совѣмъ безъ работниковъ и заглохнуть, не успѣвъ расцвѣсть. Но почему то будущее отъ такихъ выступленій не интересуется „стр. капитана“, хотя оно и есть цѣль и причина всѣхъ его писемъ; онъ ругаетъ за проведеніе въ религіозно-нравственную сторону жизни военной тактики Суворова: быстрота, глазомѣръ и натискъ. „Строевой Капитанъ“ пишетъ: „если священникъ поставитъ для себя цѣлью во чтобы то ни стало сломить порокъ въ лицѣ упорствующаго... Съ такою тактикою „строевого капитана“ ломанія пороковъ во чтобы то ни стало нельзя согласиться. Пастыре начальника нашъ Іисусъ Христосъ не ломалъ духовной природы человѣка, но съ любовью убѣждалъ: „покайтесь“; не примѣнилъ Своей всемогущей силы къ искоренію алчности и корыстолюбія въ Іудѣ Искаріотскомъ „во что бы то ни стало“, и поэтому выведенный Имъ въ притчѣ Отецъ не насилуовалъ порочной воли своего блуднаго сына, но, скрѣпя сердце, выдалъ сыну слѣдующую часть имѣнія, зная, что блудный сынъ расточитъ все имѣніе съ любодѣйцами.

Священникъ *М. Радугинъ.*

По повсду писемъ въ Редакцію „Вѣстника воен. духов.“ строевыхъ капитана и полковника и „отвѣта“ мнѣ Олимпа Булатова.

Весьма отраднo видѣть на страницахъ нашего „Вѣстника“ письма, въ которыхъ такъ или иначе затрагиваются различные вопросы о служеніи военныхъ пастырей. Но мнѣ не понятны земные поклоны, посы-

лаемые военными пастырями строевымъ капитану и полковнику. Прежде, мнѣ кажется, умѣстно будетъ спросить: за что кланяться?

Капитанъ и полковникъ взяли нѣкоторыя отрицательныя стороны и нѣкоторыхъ-же батюшекъ вообще, а не полковыхъ только, и ну, ихъ разносить, по привычкѣ, направо и налево. За это кланяться, право не стоитъ. Образъ священника каждому изъ насъ долженъ быть ясенъ не только изъ семинарскихъ учебниковъ, но изъ самой жизни, окружающей пастыря вообще и въ частности военнаго. Къ чему пастырь долженъ стремиться, чего онъ долженъ избѣгать и какъ онъ долженъ достигать цѣлей, ведущихъ къ нравственному совершенству своей паствы, опять таки указано и въ каноническихъ правилахъ церкви, и въ правилахъ и постановленіяхъ св. Пастырей и Учителей Церкви, да не мало издается всякихъ указовъ, предписаній нашихъ высшихъ духовныхъ начальниковъ. Такимъ образомъ книга раскрыта, читай, понимай и исполняй. Что есть отрицательныя стороны у пастырей, какъ вообще и у всѣхъ окружающихъ ихъ людей, объ этомъ не приходится говорить. Тутъ важно достигнуть, чтобы этихъ нежелательныхъ сторонъ было какъ можно меньше.

Этого достигнуть можно отчасти назначеніемъ пастырей по призванію, а, съ другой стороны, съ должнымъ искушеніемъ. Но это дѣло высшей компетенціи и мы не въ правѣ здѣсь дѣлать указанія, ибо они „сами возрастъ имутъ и за себя могутъ глаголати“. А будемъ говорить про то, про что можемъ и имѣемъ право на то.

Капитанъ и полковникъ среди многихъ правдъ и отчасти нѣкоторыхъ неточностей рѣзко выдѣлили одну, по моему, ясную мысль: „Священникъ чувствуетъ и сознаетъ, что говорить правду въ храмѣ (хотя-бы даже намеками) про полкъ и свою паству нельзя, какъ нельзя высказывать эту правду прямо въ глаза офицерству и военному начальству“... А почему? Легко догадаться. Священникъ въ полку поставленъ всякими циркулярами и разъясненіями на степень простого военнаго чиновника. Онъ не свободенъ, онъ, какъ и всякій служащій въ части, зависить вполне отъ военнаго начальства. Зависимъ онъ не только морально, но и матеріально; онъ по нынѣшнимъ временамъ получаетъ буквально гроши. 1200 руб. въ годъ!... Да что они значать, если священникъ обремененъ семьей (иногда воспитываетъ 5—6 дѣтей)—это ноль, а все-таки даютъ ему возможность хоть какъ-либо существовать при добрыхъ отношеніяхъ со своимъ полковымъ начальствомъ. А попробуй (при полковомъ командирѣ-инновѣрцѣ) проявить свою самостоятельность и свободу слова; въ лучшемъ случаѣ будешь, какъ „вѣчный жидъ“, путешествовать съ мѣста на мѣсто и въ концѣ концовъ изъ тебя выйдетъ одна мочала, измаешься, изсохнешь, разобьешь не только свои человѣческія нервы, но и всю семью свою, ни въ чемъ неповинную, лишишь, хотя-бы и ефемерныхъ иллюзій на относительное спокойствіе. Ergo, 1) священникъ долженъ быть свободенъ, какъ пастырь Бога Всевышняго и 2) для этого вполне обеспеченъ, получая содержаніе отъ казны 2500—3000 руб. въ годъ. Дайте это, тогда можно и людей найти, достойныхъ своего званія и призванія, и тогда мы заговоримъ инымъ голосомъ.

Да и дѣло отъ этого только выиграетъ, ибо мы по опыту знаемъ, что уваженіе къ тому, кто менѣе зависимъ отъ случайностей, больше, и голосъ громче звучитъ изъ устъ того, кто зависить не отъ многихъ личностей, а подчиненъ одному лицу и то тому, кто одного съ нимъ призванія.

Что же касается паствы, то она состоитъ изъ массы, толпы, которой свойственна стадность, и, повѣрьте, за своимъ пастыремъ сильнымъ

духомъ и тѣломъ овцы, будутъ прыгать въ нужномъ и желательномъ направленіи.

Заканчивая свою замѣтку, мнѣ хочется сказать Олимпу Булатову: всѣ приказы и приказанія по извѣстной воинской части отдаются, но — какъ они исполняются, другой вопросъ и что дѣлается въ томъ полку, гдѣ служить г-нъ Булатовъ, еще не доказываетъ, что дѣло такъ хорошо поставлено во всѣхъ частяхъ. „Одна ласточка весны не дѣлаетъ“, такъ и Полтавскій полкъ не можетъ составлять все и вся. Изъ Вашихъ писемъ, да изъ письма одного полкового батюшки я отчетливо видѣлъ и вижу: все зависитъ-де отъ священника, и священникъ непременно долженъ быть музыкаленъ.

Но эти требованія слишкомъ большія. А большія требованія можно предъявлять къ тому лицу, которое, какъ выше сказано, болѣе самостоятельно и мало зависимо отъ воли многихъ лицъ и причинъ. Я остаюсь при своемъ глубококомъ убѣжденіи, что поставьте церковный хоръ на такихъ началахъ, какъ въ полкахъ существуютъ музыкантскія команды, на которыя полки расходуютъ большія деньги, то и хоръ церковный будетъ хорошъ и къ нему тогда можно предъявлять всякія требованія. А при теперешнемъ положеніи, все отчасти меньше всего зависитъ отъ священника, даже при всей его музыкальности.

Священникъ *Василій Цѣлицо*.

Военные священники ¹⁾.

Въ № 1173 „Развѣдчика“, авторъ статьи „Что они дѣлаютъ“, предъявляетъ войсковому духовенству рядъ обвиненій, не по адресу направленныхъ. Прежде всего и на первомъ планѣ, авторъ вмѣстѣ съ „Вѣстникомъ военнаго и морского духовенства“ скорбитъ о вкореняющемся обычаѣ встрѣчать Новый годъ не въ церкви, а въ собраніи, и съ грустью спрашиваетъ, — откуда берется этотъ пагубный обычай, кто виновенъ въ его вкорененіи и что дѣлаютъ пастыри для искорененія этого обычая? Въ свою очередь, по затронутому вопросу, желательно бы для разъясненія предложить и автору вопросъ: считаетъ-ли онъ обязательнымъ встрѣчать Новый годъ исключительно въ церкви, присутствуя въ 12 часовъ ночи на молебнѣ, или, послѣ молебна, можно встрѣчать и въ собраніи? какъ, напримѣръ, практикуется въ первый день Пасхи, послѣ обѣдни, а иногда и послѣ заутрени, разговляться у командира части или въ томъ же собраніи.

Подобный обычай соединенія божественнаго служенія съ фестивалемъ не ограничивается двумя днями въ году, Новымъ годомъ и Пасхой,

¹⁾ Настоящая замѣтка напечатана въ № 1184 „Развѣдчика“ отъ 9 іюля сего года. Въ виду интереса и непосредственнаго отношенія по своему содержанию этой замѣтки, написанной почтеннымъ авторомъ въ защиту военнаго духовенства, къ помѣщаемымъ въ „Вѣстникъ“ — письмамъ и отвѣтамъ на нихъ, редакція нашла вполне цѣлесообразнымъ помѣстить эту статью и на страницахъ „Вѣстника воен. и м. дух.“.

и только военной средой; онъ глубоко вкоренился и распространенъ среди всѣхъ слоевъ общества; открытіе правительственныхъ, общественныхъ, частныхъ и др. учреждений, предприятий, памятниковъ, монументовъ, прибитіе знаменъ, полковые праздники и т. п. торжества, начинаясь молебствіемъ, обычно продолжаются приглашеніемъ къ столу съ обильными явствами, иногда и несоотвѣтствующими значенію дня, но снисходительно благословляемыми и высшими іерархами. Въ чемъ же тутъ вина военнаго духовенства, и что оно можетъ сдѣлать?

Обычай встрѣчи Новаго года въ собраніи авторъ объясняетъ все болѣе усиливающимся невѣріемъ, но тогда, по аналогіи, и всѣ другіе подобные обычаи нужно признать результатомъ невѣрія и придти къ весьма печальному результату.

Приводимый авторомъ аргументъ невѣрія, къ сожалѣнію, тоже страдаетъ досадной недомолвкой: авторъ не поясняетъ въ чемъ именно выражается невѣріе, а при такихъ недомолвкахъ и тезисъ, что въ дѣтскую душу надо заложить все, что должно составлять принадлежность христіанскаго воина, можно признать за выраженіе невѣрія. Вообще всѣ обвиненія и укоры, предъявляемые авторомъ военному духовенству, по существу быть можетъ и справедливы, но направлены по невѣрному адресу. Военный священникъ исполняетъ всѣ законныя распоряженія командира полка (ст. 556 кн. V С. В. П. 1869 г. изд. 1907 г.); священникъ въ церкви небрежно совершаетъ Богослуженіе, не служитъ подъ Новый годъ молебна—слѣдуетъ сдѣлать по сему соотвѣтствующія распоряженія.

Жалуются, что священники поддѣлываются подъ тонъ офицерства и потому, говорятъ, гораздо естественнѣе увидать полковаго священника, чокающагося за соборскимъ столомъ, чѣмъ проповѣдывающаго тамъ но вѣдь къ столу священникъ приглашается, а приглашеніе сказать въ собраніи проповѣдь едва ли кто изъ военныхъ священниковъ получалъ. Ст. 41 кн. VII С. В. П. категорически указываетъ: священникъ обязанъ въ *церкви* вести катехизическія бесѣды и поучать всѣхъ чиновъ православною вѣрѣ и благочестію; да и въ положеніяхъ объ офицерскихъ собраніяхъ нѣтъ указанія, чтобы, въ числѣ прочихъ, собраніе имѣло цѣлью и духовныя проповѣди священника.

Вообще же военные священники по образованію и воспитанію не составляютъ исключенія изъ общей массы духовенства, и если они въ жизни проявляютъ незначительныя уклоненія отъ общей нормы, то, не торопясь осуждать ихъ, нужно посчитаться съ обстановкой, не забывая и себя. „И что ты смотришь на сучекъ въ глазѣ брата твоего, а бревна въ твоемъ глазѣ не чувствуешь“ (ев. Матѣ. VII, 3).

Ө. Судьбининъ.

Изъ періодической печати.

Въ мартовской книжкѣ „Христіанина“ помѣщена интересная статья подъ заглавіемъ: „Мысли Наполеона объ Іисусѣ Христѣ“. Великій полководецъ говоритъ объ Іисусѣ Христѣ съ сердечнымъ благоговѣніемъ и съ несомнѣнной твердой вѣрою въ Божество Спасителя. Мысли мірового военнаго гения, замѣчательныя по своему изложенію и логической аргуменгаціи, должны обратить на себя вниманіе всякаго военнаго.

Наполеонъ говоритъ ¹⁾:

„Несомнѣнно, христіанство предлагаетъ нашему вѣрованію рядъ тайнъ, приказывая авторитетно вѣровать въ нихъ. Для пріемлемости ихъ оно не даетъ намъ никакихъ другихъ причинъ, кромѣ страшнаго слова: „Я есмь Богъ“, и, несомнѣнно, христіанину необходимо вѣровать въ это изреченіе, потому что изъ него вытекаютъ всѣ остальные положенія христіанства. Но разъ только допустить божественный характеръ Христа, все христіанское вѣроученіе представляется съ алгебраическою опредѣленностью и ясностью, и нельзя не удивляться связи и единству, его проникающимъ.

„Основываясь на Библии, христіанское ученіе даетъ наилучшее объясненіе міровыхъ предавій; оно освѣщаетъ ихъ, и всѣ догматы соединяются съ этимъ преданіемъ, какъ неразрывныя звенья одной цѣпи.

„Ученіе Христа съ начала до конца таинственно, съ этимъ я согласенъ; но эта тайна соотвѣтствуетъ тѣмъ трудностямъ, которыя встрѣчаются въ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка. Если не принять это ученіе, то міръ представляется загадкой; если же принять его, то оказывается достойное удивленія разрѣшеніе исторіи человѣка.

„Христіанство имѣетъ то преимущество предъ всѣми другими религіями и философскими системами, что христіане не обманываютъ себя относительно сущности вещей. Ихъ нельзя упрекать въ остроумныхъ тонкостяхъ идеологовъ, которые стремятся разрѣшить великую задачу богословскихъ споровъ пустыми разсужденіями. Христіанство прямо и ясно говоритъ: „Никто не видѣлъ Бога, кромѣ Того, Который отъ Бога; Богъ открылъ то, что Онъ былъ и есть“. Его откровеніе тайна: ни разсудокъ, ни разумъ не могутъ постичь ее. Но такъ какъ это изрекъ Богъ, то надо этому вѣрить—и это разумно.

„Евангеліе обладаетъ таинственною силою и теплотою, которыя охватываютъ умъ и увлекаютъ сердце. Если ближе вникнуть въ него, то ощущаешь нѣчто подобное, когда смотришь на небо. *Евангеліе не книга, и живое существо, исполненное движенія и силы, которое увлекаетъ за собою все, что хотѣло бы противиться его распространенію. Вотъ оно здѣсь лежитъ у меня на столѣ—я не устаю читать его и читаю ежедневно съ тою же рдостью.* Христосъ не мѣняется, никогда не колеблется въ своемъ

¹⁾ Это мнѣніе напечатано было въ одной австрійской газетѣ „Die Reform“ въ 1877 г. Его прочиталъ покойный нашъ извѣстный государственннй дѣятель Ѳ. Г. Тернеръ, который записалъ въ свой дневникъ, а послѣ занесъ въ свои „воспоминанія“, изданныя его сестрами подъ заглавіемъ „Воспоминанія жизни Ѳ. Г. Тернера“. С. Пб. 1911 г. т. 2, стр. 55 и пр.

ученіи, и малѣйшее Его изреченіе носить на себѣ печать простоты и глубины, побѣждающихъ какъ ученаго, такъ и неученаго, если только вникнуть въ него, хотя и съ малѣйшимъ вниманіемъ. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не найти такого ряда прекрасныхъ мыслей и нравственныхъ правдъ, которыя дефилируютъ предъ читателемъ, какъ батальоны небесныхъ силъ—и вызываютъ въ насъ то же чувство, которое ощущаешь при взираніи на безграничную ширь неба, когда оно въ чудную лѣтнюю ночь освѣщается блескомъ свѣтилъ. Нашъ умъ не только увлеченъ чтеніемъ Евангелія, но и подпадаетъ его вліянію. Вѣрующая душа никогда не забудетъ въ опасности сгинуть, обладая этой книгой. Разъ, что евангеліе овладѣло нашимъ умомъ, оно захватываетъ и наше сердце. Богъ—нашъ другъ, нашъ отецъ, и воистину Богъ. Душа, которая увлекается красотой Евангелія, уже не принадлежитъ себѣ: Богъ завладѣлъ ею, Онъ направляетъ ея мысли и силы, она всецѣло предается Ему. *Какое это доказательство Божественности Христа!* Обладая такую абсолютную власть, Онъ не имѣетъ другой цѣли—какъ духовное совершенствованіе каждой отдѣльной личности, чистоту совѣсти, единеніе съ истиной и святость души.

„Наконецъ, и это мой главный аргументъ, не было бы Бога на небѣ, если бъ отдѣльный человѣкъ могъ составить такой грандіозный планъ и привести его въ исполненіе — т. е. привлечь къ себѣ высшій культъ и узурпировать имя Бога. Иисусъ—единственная личность, которая посмѣла это сдѣлать. Онъ одинъ говоритъ открыто: Я есмь Богъ. Исторія не знаетъ другой личности, которая присвоила бы себѣ названіе Бога въ абсолютномъ смыслѣ. Къ обоготворенію Александра Македонскаго и римскихъ императоровъ никто серьезно не относится. Магометъ и Конфуцій заявляли себя только агентами божества.

„Какимъ это образомъ могъ іудей, историческое существованіе котораго болѣе несомнѣнно доказано, чѣмъ существованіе всѣхъ его современниковъ, сынъ плотника, съ самаго начала могъ объявить себя Богомъ, Высшимъ Существомъ, Создателемъ всѣхъ существъ? Онъ присваиваетъ Себѣ всякое почитаніе и собственными руками создаетъ свой культъ. Удивляются завоеваніямъ Александра Македонскаго, а здѣсь мы видимъ Завоевателя, Который поглощаетъ въ Себѣ — все человѣчество. Какое это чудо! Человѣческая душа со всѣми ея способностями и силами становится принадлежностью существа Христа.

„И какимъ образомъ это совершается? Чудомъ, которое превышаетъ все чудеса. Онъ требуетъ отъ человѣка любви, т. е. того, что на свѣтѣ труднѣе всего пріобрѣсть... Правда, мы любимъ нашихъ дѣтей. Но почему? Потому что мы слѣдуемъ природному инстинкту, а сколько дѣтей не отвѣчаетъ родителямъ на любовь? Вы, генераль Бертранъ, несомнѣнно любите вашихъ дѣтей, а увѣрены въ томъ, что они васъ любятъ? Ни вашими благодѣяніями, ни естественному влеченію не удастся вселить въ вашихъ дѣтей такую любовь къ вамъ, какую Христосъ приноситъ Своему Богу.

„Христосъ глаголетъ, и все поколѣнія присоединяются къ Нему. Связь, соединяющая ихъ со Христомъ, искреннѣе и тѣснѣе связи крови. Это единеніе полнѣе довѣрія и сильнѣе всякаго другого. Онъ возжигаетъ пламя любви, которое гаситъ наше самолюбіе и превышаетъ всякую другую любовь. Какъ не видѣть въ этомъ чудо! Его воля—то Слово, которое создало міръ.

„Созидатели другихъ религій даже не имѣли и понятія о той мистической любви, которая составляетъ существо христіанства.

„Несомнѣнно, величайшее чудо Христа это—господство любви. Ему одному удалось возвысить сердца людей до Невидимаго, до принесенія въ жертву самаго времени¹⁾. Тѣмъ, что Онъ осуществилъ эту жертву, Онъ одинъ создалъ эту связь между небомъ и землею. Всѣ, кто истинно вѣруеть въ Него, ощущаютъ достойную удивленія сверхъестественную непонятную для разума любовь, это превосходящее силы человѣка явленіе. Святой огонь, возженный на землѣ этимъ новымъ Прометеемъ, продолжаетъ существовать и сохранять силу, которую не можетъ погасить время—этотъ великій [гаситель]. *Это мнѣ доказываетъ вполне Божество Иисуса.*

„И я, Наполеонъ, преклоняюсь съ удивленіемъ предъ этимъ, тѣмъ болѣе, что я самъ стремился приобрѣсть себѣ подобныхъ послѣдователей. Я воодушевлялъ многія тысячи людей, которые за меня шли на смерть. Но да предохранитъ меня Господь—допустить возможность сравненія этого энтузіама солдатъ съ христіанскою любовью. Они настолько различны, какъ и ихъ побужденія. Слово, взгляды мои воодушевляли всѣхъ. Я обладалъ тайною той чарующей силы, которая возбуждаетъ духъ, но эту силу я никому не могъ передать. Я также не обладалъ тайной увѣковѣчить въ сердцахъ людей мое имя и любовь ко мнѣ. Теперь, когда я заключенъ на скалѣ св. Елены, кто еще будетъ за меня сражаться, куда дѣлись въ моемъ несчастіи мои придворные, кто обо мнѣ еще беспокоится въ Европѣ кто мнѣ остался вѣренъ, гдѣ мои друзья? Это вы, да еще два, три человѣка. Ваша вѣрность сдѣлаетъ васъ бессмертными, вы раздѣляете мою ссылку и утѣшаете меня.

„Наша судьба могла считаться блестящею, а что теперь осталось отъ озарявшаго меня блеска,—скоро меня и на землѣ уже не будетъ. Такова судьба великихъ людей, такова же была судьба Александра Македонскаго, Цезаря и другихъ. Насъ забудутъ, имена завоевателей останутся только въ школьныхъ учебникахъ. Только что Людовикъ XIV скончался, какъ всѣ покинули его спальню; никто изъ его придворныхъ о немъ уже болѣе не заботился. Онъ уже пересталъ быть господиномъ, онъ сталъ трупомъ, и его ожидалъ уже гробъ, могила и начиналось разложеніе..

„Еще немного, и та же участь постигнетъ и меня; умерщвленный Англіей я умираю прежде времени, и мои останки будутъ преданы землѣ. Вотъ участь, ожидающая великаго Наполеона. Какая пропасть отдѣляетъ мое бѣдственное положеніе отъ вѣчнаго господства Христа, Котораго повсюду въ мірѣ проповѣдуютъ, любятъ, на Котораго молятся и Который живетъ до сихъ поръ. Его смерть—развѣ это значитъ умереть?! Не значитъ ли это напротивъ—вѣчно жить!“.

По поводу духовнаго завѣщанія орловскимъ дворяниномъ А. А. Ефремовскимъ крупнаго капитала въ 70,000 руб. для основанія при Пет. академіи новой каѳедры экспромта и дикціи, В. Розановъ, помѣстивъ въ „Новомъ Времени“²⁾ заслуживающую интереса статью подъ заглавіемъ: „О важнѣйшей нуждѣ церкви“. Крупная жертва и искренній голосъ мірянъ заключаютъ въ себѣ много истинъ, надъ которыми необходимо серьезно призадуматься каждому пастырю прав. церкви.

1) Т. е. пожертвованіемъ временемъ въ видахъ вѣчности.

2) № 13395, 28 іюня 1913 г.

„Какъ извѣстно, проектированные и проектируемые новые уставы семинарій и духовныхъ академій выдвинули впередъ всего заботу о томъ, чтобы получить и образовать хорошаго „священника“, хорошаго совершителя „церковной службы“. Этой задачѣ были подчинены, или точнѣе, эту задачу были отодвинуты въ сторону и заслонены все чисто научныя задачи, напримѣръ, духовныхъ академій. Не влялаясь въ разсмотрѣнiе этого взгляда на духовное образованiе, обратимся къ тому, какъ онъ выполненъ, проведенъ? Увы, „наука“—то отодвинута и заслонена, а „хорошiй священникъ“ и хорошая „церковная служба“ нисколько не подвинулись дальше и впередъ, сравнительно съ тѣмъ, какъ все это стояло и стоитъ. Ну, вотъ голосъ? Простое чтенiе Евангелiя, молитвы и дѣланiе возгласовъ? Простыя четыре слова надъ склоненной до полу толпою молящихся: „Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всехъ“ можно произнести: 1) и скороговоркою, такъ что никто не разбереть, а разобравъ ничего не почувствуетъ, 2) можно произнести „перебитымъ голосомъ“ (особый терминъ объ „износившемся“ голосѣ священника), при чемъ вообще никто ничего разобрать не можетъ у произносящаго, 3) „отхватить“ безъ всякаго выраженiя, 4) и произнести съ глубокимъ благовѣнiемъ къ произносимому слову, съ сознанiемъ его величiя и всеобилемости, наконецъ, голосомъ, такъ сказать, техническимъ звонкимъ, отчетливымъ и пр. Въ одноиъ и томъ же городѣ Ельцѣ мнѣ приходилось слышать удивительное по выразительности и „четкости“ (слышно въ далекихъ уголкахъ церкви) произношенiе акаѳистовъ о. Острогорскимъ (нынѣ покойный), и выслушивать дѣлыя литургiи въ такомъ словопроизношенiи священника, что совершенно ни одного слова разобрать невозможно было и обѣдня проходила какъ бы въ молчанiи: никто ничего не понималъ и не слышалъ. Объ этомъ—то священникѣ, очень ученомъ, мнѣ и объяснили, что у него „давно уже перебитый голосъ“, каковой терминъ я услышалъ въ первый разъ. Также не могу забыть двадцать лѣтъ назадъ слушавшуюся службу въ соборной церкви города Бѣлаго, Смоленской губерни. Священникъ былъ сравнительно молодой еще и совершенно безбородый (при пышныхъ волосахъ): ничего не росло на мѣстѣ бороды и усовъ; особенность его службы, при значительной музыкальности голоса, отличалась (едва ли сознательно для самого служащаго) необыкновеннымъ одушевленiемъ, какого я потомъ никогда не встрѣчалъ. Происходило оно какъ будто отъ уторопленности, но безъ всякой торопливости на самомъ дѣлѣ: онъ начиналъ „возгласъ“, когда хоръ еще допѣвалъ послѣднее слово молитвы... какъ бы вмѣшиваясь своимъ особымъ и замѣтнымъ голосомъ (говоръ) въ звуки пѣнiя. Какъ бы „подхватывалъ“ тѣ тянущiеся звуки и, кончивъ „говоръ“, опять какъ бы бросалъ хоръ въ пѣнiе... И въ самомъ говорѣ онъ, какъ бы рѣзко заноса звуки подъ потолокъ (сводъ храма), послѣднiя слова иногда длиннаго „возгласа“ производилъ быстрѣе первыхъ, съ нажимомъ ускоренiя въ—первыхъ, и подъема во—вторыхъ. Что же получалось: служба точно летѣла, было что-то вообразительное и мечтательное въ ней, зовущее и ведущее. Все превращалось въ великолѣпную лирику богослуженiя.

А слово? Слово умирающему? Слово вѣнчающимся? Слово на исповѣди? Здѣсь море дѣйствиъ священника необозрѣваемо. И, увы, наши священники почти еще не пустились „въ плаванiе“ по этому необозримому морю. Да и не знаютъ, какъ пуститься; и наша семинарiя, да и академiя, среди своихъ „гомилетикъ“ и „алгебръ“, рѣшительно не говорятъ ни одного слова „будущему священнику“ въ наставленiе въ руководство на этомъ именно пути... Такой практической и жизненный путь!

Все эти мысли, конечно, давно каждому извѣстныя, вспыхнули

вторичнымъ свѣтомъ въ моей душѣ, когда я прочелъ въ „Церковномъ Вѣстникѣ“, органѣ петербургской духовной академіи, о духовномъ завѣщаніи орловскаго дворянина А. А. Ефремовскаго, пожелавшаго на оставленный имъ капиталъ въ 70.000 рублей основать новую каведру при академіи. Это—каедра „экспромта и дикціи“. Совершенно не слыханная!!! Это—не каедра такимъ образомъ науки, каковыми напичканы академіи, а каедра искусства или мастерства, безъ котораго поистиннѣ „должность священника“ теряетъ всѣ свои краски и не достигаетъ своего смысла. Въ частномъ дополненіи къ завѣщанію покойный нынѣ Ефремовскій прекрасно объяснилъ и такъ жизненно мотивировалъ свою мысль.

„Назначивъ,—писать завѣщатель,—въ собственность с.-петербургской духовной академіи двѣсти двадцать акцій Соединеннаго банка, для учрежденія, по усмотрѣнію ея каедръ или доцентуры экспромта и дикціи, я хочу объяснить поводъ, вызвавшій мое завѣщательное распоряженіе.

Понятіе объ экспромтѣ можетъ быть двойное; одно—исключительная способность, при достаточной эрудиціи, быстро соображать и отвѣчать содержательно и связано; на такой ех improvisio могутъ быть способными немногіе, получившіе особый даръ Божій. Другое, приготовившіе къ предмету, говорить безъ тетрадки. *Только это последнее я и имѣю въ виду.*

„Да, эти проповѣди „по тетрадкѣ“ священниковъ истомили душу. Это вѣдь — „чтеніе домашнихъ сочиненій“ священниковъ, къ сочинительству, отнюдь, въ большинствѣ не приспособленныхъ! Поразительно, что само духовное вѣдомство поддерживаетъ этотъ „проповѣдническій ужасъ“, не довѣряя устнымъ проповѣдямъ, боясь въ нихъ „ереси“ или безтактностей (увы, во всякомъ живомъ дѣлѣ неизбежныхъ иногда!), и требуя— „непремѣнно по тетрадкѣ“, и чтобы тетрадка была „предварительно“ представлена на разсмотрѣніе благочиннаго...

Общеизвѣстно, что наши церковно-служители, не только псаломщики, но и священники, особенно деревенскіе, за немногими исключеніями, конечно, плохо читаютъ. Проживъ болѣе 70 лѣтъ и бывая въ церкви, я рѣдко слышалъ явственно-прочитанную молитву, или акаѳистъ. Форма замѣнила и затопила сущность,—вездѣ, все и во всемъ. Предполагается, что читаютъ для находящихся въ церкви, слушающихъ, — но если бы этихъ слушающихъ спросить о прочтенномъ, то не могли бы отвѣтить 9 изъ 10. Застывшія и омертвѣлыя формы, останавливающія и замыкающія религиозныя душевныя движенія,—ихъ не можетъ не видѣть, не можетъ не знать академическая профессура, и не можетъ не ожидать, рано или поздно, реформы,—можетъ быть нежелательной, но неизбежной. Этотъ недостатокъ, конечно, будетъ устраненъ. Но всѣмъ тѣмъ, которымъ церковная служба кажется монотонною, утомительною, — всѣмъ имъ я желаю, чтобы и теперь они уносили изъ церкви хотя бы одно зерно благодатной и благоговѣйной мысли къ Отцу вселенной. Величайшая признательность тещу ли, проповѣднику ли за то, что они удерживаютъ душу посѣтителя 5—10 минутъ въ возбужденной совѣсти и напряженной мысли о милосердіи Божиѣмъ“.

„По условіямъ моей службы и дѣятельности, мнѣ нужно было часто бывать въ Кіевѣ. Въ одинъ изъ моихъ пріѣздовъ—начало ноября 1881 г.—я прочиталъ въ мѣстныхъ газетахъ, что митрополитъ Платонъ будетъ служить, предъ своимъ отъѣздомъ въ Петербургъ, послѣдній разъ въ Софійскомъ соборѣ. Пошелъ. Церковь не вмѣщала запоздавшихъ. Во время причастаннаго стиха вышелъ очередной священникъ, вынулъ тетрадку, и, не отводя глазъ, прочиталъ безупречно граматически правильно составлен-

ную проповѣдь. Но еще прежде прочтенія ея, при самомъ появленіи его идущаго на кафедрѣ, половина народа двинулась къ выходу. Явленіе, въ послѣднее время обычное, рядовое и понятное: риторика сухая, напыщенная, сверхъ мѣры грозная, безъ милосердія...

„Служба кончилась. Преосвященный митрополитъ, благословляя, прошелъ къ южнымъ воротамъ, у которыхъ стоялъ экипажъ, переступилъ порогъ, готовый уѣхать, но въ это время какая-то простолюдинка сказала: „Прощай, батюшка, счастливый тебѣ путь“. Преосвящ. Платонъ повернулся и, не сходя съ порога, отвѣчалъ: „Прощайте, прощайте, да живите безъ меня, не забывая Бога“. Затѣмъ нѣсколько словъ о милосердіи Божию, о томъ, что Онъ даетъ и жизнь, и здравье, и счастье, что дурныя поступки имѣютъ и конецъ худой; что отъ осины нельзя ждать ни яблоковъ, ни винограда“. Таковъ, въ общемъ, былъ отвѣтъ. Все это время—тишина, впечатлѣніе—сильное. Конечно, и вниманіе, и впечатлѣніе объясняются прежде всего тѣмъ, что говорилъ митрополитъ, но несомнѣнно, также и то, что простыя слова свободно доходили до ума и сердца. Этимъ и только этимъ вызваны сосредоточенныя и довольныя лица выходившихъ изъ храма... Только простое, устное, живое, одухотворенное слово способно двигать умомъ и душою слушающаго.

„Цѣль назначенія особой кафедрѣ или доцентурѣ та, чтобы священникъ, особенно деревенскій, умѣлъ сказать умирающему, душа котораго въ это время особенно воспримчива, утѣшеніе; умѣлъ, предъ вѣнчаніемъ, объяснить таинство брака: обязанности мужа къ женѣ и обратно; умѣлъ объяснить тѣ законы, которые установлены Отцомъ вселенной, которые мы самонадѣянно и неразумно называемъ естественными,—и тѣ, которые, находясь за предѣлами человѣческаго разумія, называются сверхъестественными; умѣлъ дать или укрѣпить ослабленную вѣру, безъ которой человѣкъ — несчастное существо, приблизившееся къ животному; умѣлъ приблизить душу къ Создателю ея; умѣлъ сказать, что человѣкъ окруженъ тайною, что онъ не можетъ и не долженъ быть увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ, что возможенъ случай, который внезапно прекратитъ жизнь и проч. Прошу извинить мнѣ, 80-лѣтнему старику, не совсѣмъ ясное изложеніе и неопрятную перепись“.

Такъ кончается „дополнительная приписка“ къ духовному завѣщанію. О, какъ хотѣлось бы, чтобы эти дивныя, простыя и вразумительныя слова 80-лѣтняго старца разнеслись по нашей Россіи! Сколькіе увидятъ въ нихъ надежду на лучшее будущее! Какъ вообще весь этотъ поступокъ прекрасенъ: т.-е. жертва деньгами, и на такое дѣло! Кто онъ, по профессіи, по должности? Хотѣлось бы знать; академическій органъ не потрудился объ этомъ сообщить читателямъ. А это очень любопытно!

ХРОНИКА.

— Въ день свв. Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла (29 іюня) о. Протопресвитеръ *Г. И. Шавельскій* по случаю праздника 13-го лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка, служилъ молебенъ въ ВЫСОЧАЙШЕМЪ присутствіи въ Петергофѣ.

— Въ молитвенное ознаменованіе 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ Общество г. офицеровъ 188-го пѣхотнаго Карскаго полка соорудило, на добротныя свои пожертвованія, Икону Святыхъ, имена коихъ носили въ Востѣ почивающіе Цари, Императоры и царствовавшія Императрицы, а также и соименныхъ Святыхъ нынѣ благополучно царствующаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II и НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА и Великаго Князя АЛЕКСІЯ НИКОЛАЕВИЧА.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ по докладѣ о семъ, по представленію Его Высокопреподобія о. Протопресвитера, Военнымъ Министромъ, ВЫСОЧАЙШЕ повелѣть соизволилъ благодарить за выраженные чувства и за доброе дѣло.

Обозрѣніе о. Протопресвитеромъ военнаго и морскаго духовенства церковей крѣпости Свеаборгъ.

Уже давно крѣпость Свеаборгъ ожидала видѣть въ стѣнахъ своихъ гранитныхъ главу военнаго и морскаго духовенства, о. Протопресвитера Г. I. Шавельскаго,—и вотъ, этотъ желанный день насталь.

Въ 7-мь часовъ утра, 17-го числа минушаго іюня мѣсяца, Его Высокопреподобіе, о. Протопресвитеръ прибылъ въ гор. Гельсингфорсъ, въ сопровожденіи правителя канцеляріи Духовнаго Правленія д. с. с. *М. П. Журавскаго*, благочиннаго финляндскихъ военно—неподвижныхъ церковей, протоіерея *П. И. Петровскаго*, благочиннаго финляндскихъ стрѣлковыхъ бригадъ, священника *Н. И. Крестовоздвиженскаго* и протодіакона *С. I. Демина* Будучи встрѣченъ на дебаркадерѣ станціи военно—морскимъ духовенствомъ гор. Гельсингфорса и крѣпости Свеаборгъ, о. Протопресвитеръ отбылъ въ приготовленные для него покои въ гостинницѣ „Феннія“. Отдохнувъ немного и откушавъ чаю совмѣстно съ встрѣчавшимъ духовенствомъ, Его Высокопреподобіе началъ обозрѣніе храмовъ 2 и 3-го финляндскихъ стрѣлковыхъ полковъ, мѣстнаго лазарета и 2-й минной флотской дивизіи, по дорогѣ въ которую изволилъ посѣтить главную городскую гауптвахту.

Закончивъ обозрѣніе храмовъ, Его Высокопреподобіе, къ половинѣ втораго часа дня, прибылъ на пристань „Гельсингфорсъ“, къ каковому времени, въ распоряженіе о. Протопресвитера, былъ поданъ пароходъ Свеаборгской крѣпостной артиллеріи „Бомба“, для слѣдованія въ Свеаборгъ. Встрѣченный на пристани ктиторомъ Свеаборгскаго крѣпостнаго Собора, полковникомъ *Н. П. Селивановымъ*, Его Высокопреподобіе въ 1³/₄ дня прибылъ въ крѣпость Свеаборгъ. Къ этому времени пристань, разукрашенная національными флагами, наполнилась семействами г.г. офицеровъ и нижнихъ чиновъ, гражданскимъ населеніемъ крѣпости и дѣтьми; войска стояли въ два ряда отъ пристани до собора. Лишь только съ пристани завидѣли „Бомбу“, какъ загудѣлъ соборный 409-ти пудовый колоколь, имѣющій глубокой, звучный и далеко несущійся голосъ; а когда пароходъ сталъ у пристани, заговорили всѣ соборные колокола, малиновый звонъ которыхъ сливался съ музыкою крѣпостной артиллеріи и 90-го пѣх. Онежскаго полка, игравшею „Коль славень нашъ“. Начальствующіе лица и г.г. офицеры центральной крѣпости встрѣтили о. Протопресвитера на пристани, принявъ благословеніе.

Здороваясь съ нижними чинами, сопровождаемый военнымъ начальствомъ, Его Высокопреподобіе въ 2¹/₄ ч. дня прибылъ въ крѣпостной соборъ. При входѣ въ соборъ, полный нижними чинами, народомъ и дѣтьми, о. Протопресвитеръ былъ встрѣченъ, о. Настоятелемъ собора, слѣдующею рѣчью: „Ваше Высокопреподобіе, Милостивѣйшій о. Протопресвитеръ! Радуемся прибытію Вашему въ твердыню Свеаборгъ и посѣщенію сего крѣпостного храма. Храмъ этотъ, можно сказать, историческій: онъ внималъ пальбѣ вражей, былъ прокопченъ пороховымъ дымомъ и на него смотрѣли потухающіе глаза отходящихъ въ жизнь вѣчную бойцовъ. Благоволите взглянуть на своды: тамъ имѣются черныя пятна,— это слѣды отъ непріятельскаго снаряда, влетѣвшаго въ боковыя двери собора, при совершеніи литургіи, во время бомбардировки крѣпости соединенною англо-французскою эскадрою въ 1855-мъ году, 28 іюля, и разорвавшагося въ храмѣ. Однимъ изъ осколковъ была ранена храмовая икона св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго, въ поясной части; молящіяся—же, по дивному изволенію Божію, не испытали отъ осколковъ бомбы никакого вреда.“

Въ нашемъ храмѣ нѣтъ великолѣпія, богатства благоукрашеній; но онъ, какъ древній храітанскій катакомбы, воспитываетъ въ воинахъ единственно—нерушимый залогъ прочности настоящаго и славы будущаго Родины нашей—духъ религіозности, мужества и энергіи.

Вниди-же въ сей домъ Божій и воздохни ко Господу, чтобы духъ вѣры и благочестія никогда не оскудѣвалъ въ защитникахъ твердыни Свеаборгъ, ибо, говорить нашъ непобѣдимый Суворовъ, когда русскій солдатъ, этотъ чудо—богатырь, поцѣлуешь крестъ, то доколѣ дышитъ—своему долгу не измѣнитъ.

Ваше Высокопреподобіе: гдѣ вѣра, тамъ и сила! Просимъ Вашихъ молитвъ!“

На сію рѣчь о. Протопресвитеръ изволилъ сказать: „Спасибо вамъ!“ Затѣмъ возложивъ на себя эпитрахиль и поцѣловавъ крестъ, прошелъ къ мѣстнымъ иконамъ. Помолившись предъ мѣстными иконами и облачившись въ св. алтарѣ, о. Протопресвитеръ, въ сопровожденіи 12-ти священниковъ, вышелъ на середину храма для совершенія молебна покровителю храма и крѣпости св. Благ. Вел. Кн. Александру Невскому.

Начался молебенъ. „Дарю небесный“—прошѣли всѣ нижніе чины. Тропарь святому пѣлъ хоръ. „Спаси, Господи, люди Твоя“—опять прошѣли всѣ нижніе чины. Религіозное воодушевленіе было полное: звуки свободно лились изъ могучихъ солдатскихъ грудей, уносились въ высь,—словно хотѣли разорвать самыя стѣны собора.

Предъ многолѣтіемъ, о. Протопресвитеръ обратился къ чинамъ гарнизона съ поученіемъ на тему: „Вѣра—сердце народное; безъ вѣры не можетъ быть въ народѣ, а, слѣдовательно, и войскѣ ни правды, ни силы“.

Во время цѣлованія св. креста послѣ многолѣтій хоръ художественно исполнилъ псаломъ „Блаженъ мужъ“, соч. Чайковскаго. Его Высокопреподобіе восторженно отозвался о хорѣ и изволилъ благодарить регента Пылева за усердіе.

Изъ собора о. Протопресвитеръ посѣтилъ гауптвахту, гдѣ обошелъ всѣ камеры и съ каждымъ провинившимся (всего 10-ть человекъ) противъ присяги, понемногу, побесѣдовалъ. Отрадная черта: всѣ арестованные встрѣчали о. Протопресвитера глубокимъ поклономъ, сложивъ руки подъ благословеніе. Среди арестованныхъ оказался „землякъ“ о. Протопресвитера, которому о. Протопр. испросилъ у начальства досрочное

освобожденіе, взявъ съ него слово „исправиться“. Таже милость была распространена и еще на двухъ арестованныхъ, которые чистосердечно рассказали Его Высокопреподобію свою вину и дали „солдатское слово“ впредь быть исправными и хорошими слугами Царю—Батюшкѣ. Порадовало о. Протопресвитера и то, что почти въ каждомъ карцерѣ имѣлось св. евангеліе, а нѣкоторые арестованные имѣли при себѣ учебники: физики (телеграфной роты), ариѳметики (воздухоплавательной роты) и др.

Оставивъ гауптвахту, о. Протопресвитеръ сдѣлалъ официальные визиты и по дорогѣ обратно на пристань зашелъ въ школу офицерскихъ дѣтей крѣпости, гдѣ изволили осматривать работу на холстѣ молодого художника Пржевусскаго, который рисуеть двѣ картины на стѣнахъ собора: „Благословеніе митрополитомъ Кирилломъ св. кн. Александра Невскаго на завоеваніе Финляндіи“ и „Благословеніе преп. Сергіемъ Радонежскимъ кн. Дмитрія Іоановича на бой съ Мамаемъ“. Размѣръ картинъ: 8×10 метровъ каждая. Благословивъ художника и пожелавъ ему успѣшнаго исполненія трудной работы, о. Протопресвитеръ отправился на Лагерный островъ, гдѣ имѣется свой храмъ. Войска вновь стояли въ два ряда до пристани, музыка играла „Коль славень нашъ“, народъ тѣснился, спѣша принять благословеніе отъвѣщающаго о. Протопресвитера.

Въ 4-ре часа по полудни Его Высокопреподобіе, въ сопровожденіи начальствующихъ лицъ крѣпости и о. Настоятеля, на пароходѣ „Бомба“ отбылъ изъ Свеаборга на главную пристань Лагернаго острова, а г.г. офицеры и причтъ на пароходѣ „Марсъ“ отплыли прямо въ лагерный храмъ.

На Лагерномъ островѣ та же торжественная встрѣча, что и въ Свеаборгѣ: пристань вся утопала въ гирляндахъ изъ зелени, флаги весело развѣвались, привѣтствуя Его Высокопреподобіе, войска стояли по дорогѣ отъ пристани до церкви, семейства г.г. офицеровъ, проживающихъ на „Лагерномъ“ заполнили пристань.

Узнавъ отъ Настоятеля собора, что рядомъ съ пристанью помѣщается лазаретъ въ лѣтнее время, о. Протопресвитеръ немедля направился къ больнымъ. Болѣе здоровые были собраны вмѣстѣ и встрѣтили Его Высокопреподобіе поклономъ у воротъ лазарета. О. Протопресвитеръ поздоровался съ больными и побесѣдовалъ съ ними. „Вотъ теперь и есть вамъ время подумать о душѣ“, говорилъ о. Протопресвитеръ, — „выздоровливайте и, съ Божьею помощію, вновь за службу принимайтесь“. Къ трудно—больнымъ о. Протопресвитеръ зашелъ въ палаты и каждого благословилъ.

Изъ Лазарета Его Высокопреподобіе отбылъ въ церковь и при входѣ въ храмъ былъ встрѣченъ священникомъ Н. Окуновымъ привѣтственною рѣчью.

Въ концѣ краткаго молебствія предъ многолѣтіемъ, Его Высокопреподобіе обратился къ г.г. офицерамъ съ поученіемъ на тему: „Офицеръ есть воспитатель арміи“. „Нашъ общій долгъ, говорилъ о. Протопресвитеръ, сдѣлать изъ солдата христіанина, добраго гражданина, и сознательнаго борца за Вѣру, Царя, и Отечество“.

Обозрѣвъ храмъ, построенный лештами гарнизона крѣпости и средствами старосты собора А. И. Недоноскова въ память подавленія мятежа въ крѣпости Свеаборгъ въ 1906 году, Его Высокопреподобіе отправился на квартиру капитана артиллеріи К. Е. Гулевича немного отдохнуть, и черезъ полчаса уже изволил пожаловать въ лагерное собраніе артиллеріи на обѣдъ, сердечно предложенный о. Протопресвитеру г.г. офицерами гарнизона крѣпости. О. протодіаконъ прочиталъ молитву Господню

предъ вкушеніемъ пищи, о. Протопресвитеръ благословилъ трапезу, съѣли за столъ, и повелась братски-товарищеская бесѣда.

Когда было подано шампанское, генераль Алексѣевскій въ теплыхъ словахъ выразилъ признательность гарнизона Его Высокопреподобію за посѣщеніе крѣпости Свеаборгъ и провозгласилъ „здравицу“. Все многочисленное собраніе дружно и мощно пропѣло „многая лѣта“, трижды. Его Высокопреподобіе на сердечный тостъ изволилъ отвѣтить рѣчью о „необходимой, дружной и полезной, на благо воинства, работѣ г.г. офицеровъ и духовенства. Въ единствѣ—мощь, въ единствѣ—сила! Это единеніе въ русской арміи, какъ нигдѣ, сглаживаетъ даже и вѣроисповѣдныя разности: и православные, и римско-католики, и лютеране, и ино-вѣрные въ арміи,—всѣ, какъ одинъ, вѣрные слуги Царю и Отечеству“.

Изъ собранія о. Протопресвитеръ посѣтилъ дачу о. Настоятеля и вечеромъ отбылъ изъ Гельсингфорса.

Настоятель Свеаборгскаго крѣпостнаго Собора,

Протоіерей В. Ягодинъ.

Обозрѣніе о. Протопресвитеромъ Г. І. Шавельскимъ военныхъ церквей Варшавскаго Округа.

30-го минувшаго іюня, въ 12 ч. 10 м. дня, въ Варшаву прибылъ, для освященія Варшавскаго военно-гарнизоннаго кладбища и для обозрѣнія военныхъ церквей, о. Протопресвитеръ воен. и мор. духовенства, *Георгій Іоанновичъ Шавельскій*, въ сопровожденіи Правителя Канцеляріи д. с. с. Митрофана Петровича *Журавскаго*.

Къ этому времени на С.-П.-Бургскомъ вокзалѣ собралось, для встрѣчи Его Высокопреподобія, все Варшавское военное духовенство, во главѣ съ Настоятелемъ крѣпостнаго собора Протоіереемъ о. Василиемъ Тихомировымъ, который привѣтствовалъ о. Протопресвитера отъ лица духовенства краткой рѣчью. Сдѣлавъ необходимые служебные визиты, о. Протопресвитеръ въ тотъ же день обозрѣвалъ Варшавскій военный крѣпостной соборъ, затѣмъ отправился въ лагерь „Бѣляны“, для обозрѣнія лагерной церкви 8-й пѣх. дивизіи. Возвратившись оттуда, Его Высокопреподобіе прибылъ къ 6 ч. веч. въ кладбищенскую Св.-Николаевскую церковь—на Повонзкахъ, для совершенія всенощнаго бдѣнія, которое было отслужено очень торжественно, въ присутствіи вр. Командующаго войсками округа генерала отъ кавал. А. А. *Брусилова* и массы молящихся, о. Протопресвитеромъ въ сослуженіи 22-хъ священниковъ, при 4-хъ діаконахъ и 2-хъ пѣвческихъ хорахъ.

На слѣдующій день 1-го іюля, въ 9 ч. у., было совершено малое водосвященіе, тамъ же, на Повонзкахъ, въ новопостроенной кладбищенской часовнѣ, священникомъ 29-го пѣх. Черниговскаго полка о. *Іоанномъ Соколовымъ*, а ровно въ 10 ч. началась въ той же кладбищенской Св.-Николаевской церкви Божественная Литургія, которую совершилъ о. Протопресвитеръ, въ сослуженіи 5 протоіересвъ, 6 священниковъ и 4 діаконъ. Въ концѣ литургіи о. Протопресвитеръ произнесъ весьма прочувствованное слово о томъ, какъ истинный христіанинъ, а въ особенности христіолюбивый воинъ, долженъ смотрѣть на смерть и съ какою забот-

ливою любовью мы должны относиться къ умершимъ воинамъ, „душу свою полагающимъ за други своя“. Въ заключеніе Его Высокопреподобіе выразилъ благодарность Военному Начальству за заботливое отношеніе къ нуждамъ вѣрренныхъ ему чиновъ и Комитету по устройству военного кладбища. По окончаніи литургіи, началось молебствіе Свят. Николаю и, при пѣніи тропаря Святителю, изъ церкви двинулся на кладбище крестный ходъ, къ которому присоединилось еще болѣе 15 священнослужителей въ форменныхъ золотисто-зеленыхъ облаченіяхъ. Здѣсь отъ самой церкви до часовни стояли шпалерами войска всего гарнизона, съ двумя хорами музыки, исполнявшими гимнъ: „Коль славеи нашъ Господь въ Сионѣ“... Когда крестный ходъ подошелъ къ часовнѣ, О. Протопресвитеръ прочиталъ Св. Евангеліе, молитву на освященіе часовни, окропилъ ее св. водой и крестный ходъ двинулся далѣе вдоль всего кладбища съ пѣніемъ молебнаго пѣнія Свят. Николаю. Шестіе крестнаго хода по кладбищу и освященіе его заняло времени болѣе 1 часа. По окончаніи богослуженія крестный ходъ возвратился въ церковь, гдѣ были провозглашены обычныя многолѣтія. Затѣмъ состоялся парадъ войскамъ, который принималъ вр. Командующій войсками, Генераль отъ кавалеріи А. А. *Брусилловъ*.

Въ тотъ же день о. Протопресвитеръ обозрѣвалъ слѣдующія военныя церкви: инженерныхъ полевыхъ войскъ Варшавскаго военного округа, тюремную, Лейбъ-Гвардіи Волынскаго полка, Лейбъ-Гвардіи С.-П.-Бургскаго полка и Штаба округа. На слѣдующій день Его Высокопреподобіе обозрѣлъ на „Прагѣ“ мѣсто, безмездно дарованное для постройки пріюта вдовамъ и сиротамъ военного духовенства и слѣдующія церкви: 9-го сапернаго баталіона, артиллерійской мастерской, Уздовскаго госпиталя, Лейбъ-Гвардіи Литовскаго полка, Лейбъ-Гвардіи Гродненскаго гусарскаго, Лейбъ-Гвардіи Уланскаго Его Величества и Лейбъ-Гвардіи Кексгольмскаго полковъ и, наконецъ, лагерную Лейбъ-Гвардіи 3-й пѣх. дивизіи. Во всѣхъ этихъ церквахъ о. Протопресвитеръ былъ привѣтствуемъ священниками и встрѣчаемъ вышшими и нижними воинскими чинами, а также церковными хорами. Изъ послѣднихъ о. Протопресвитеръ изволилъ обратить особенное вниманіе на огромный хоръ пѣвчихъ въ церкви инженерныхъ полевыхъ войскъ округа, состоящій изъ 120 человекъ и изъ 6-ти хоровъ: 8-го, 9-го, 10-го, 15-го и 19-го саперныхъ баталіоновъ и 3-й искровой роты, подъ управленіемъ полковника 10-го сапернаго баталіона В. А. *Дектерева* и помощника, подпоручика 8-го сапернаго баталіона Г. И. *Тимофеева*.

При обозрѣніи крѣпостнаго собора и тюремной церкви Его Высокопреподобіе посѣтилъ, между прочимъ, казематы и отдѣленія заключенныхъ воинскихъ чиновъ, бесѣдуя съ ними и его пастырское убѣдительное слово трогало многихъ до глубины души и вызывало у виновныхъ слезы раскаянія и надежды на исправленіе. При обозрѣніи церковей Уздовскаго госпиталя, о. Протопресвитеръ посѣтилъ также палаты и отдѣленія больныхъ воинскихъ чиновъ, повсюду утѣшая и ободряя недужныхъ.

Послѣ обозрѣнія всѣхъ военныхъ церковей, въ крѣпостномъ офицерскомъ собраніи состоялась пастырская братская бесѣда всѣхъ военныхъ священниковъ Варшавскаго округа, подъ предѣлательствомъ о. Протопресвитера, во время которой онъ подѣлился своими впечатлѣніями и замѣчаніями касательно пастырской дѣятельности среди христолюбиваго воинства, какъ, напр., относительно внѣбогослужебныхъ бесѣдъ, совершенія панихидъ и друг. церковныхъ богослуженій, посѣщенія священ-

никами офицерскихъ собраній и мн. друг. На этомъ же пастырскомъ собраніи присутствовали и Правитель Канцеляріи М. П. Журавскій и о. Протопресвитеромъ, между прочимъ, разрѣшено производить, два раза въ годъ, сборъ пожертвованій по военнымъ церквамъ Варшавскаго военного округа, на дополнительное содержаніе церковно-приходской школы, находящейся въ г. Варшавѣ, при церкви Лейбъ Гвардіи Уланскаго Его Величества полка и, наконецъ, было поручено двумъ священникамъ произвести внезапную ревизію Варшавскаго свѣчнаго склада для церквей Варшав. воен. округа, что ими было исполнено утромъ на слѣдующій день, при чемъ оказалось, что въ дѣла и отчетность свѣчнаго склада ведутся и находятся въ образцовомъ порядкѣ.

3-го іюля о. Протопресвитеръ выѣхалъ изъ Варшавы въ крѣпость Новогеоргіевскъ для совершенія божественной литургіи въ крѣпостномъ соборѣ и для обзрѣнія другихъ военныхъ церквей въ округѣ.

4-го іюля Его Высок.преподобіе обзрѣвалъ военныя церкви въ крѣпости Ивангородѣ, 5-го іюля предположилъ обзрѣть церкви въ Новоалександріи и Люблинѣ, 6-го—въ г. Холмѣ, 7-го—въ Ковнѣ, 8-го—въ г. Ровно и Шубково и къ 11-му Іюля возвратиться въ С.П.-Бургъ.

Священникъ *Н. С—ій.*

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

— Изъ **Петергофа** (*Освященіе Воскресенской церкви на Петергофскомъ гарнизонномъ кладбищѣ*).

8-го іюня состоялось освященіе церкви на Петергофскомъ военномъ кладбищѣ. Десятки лѣтъ существовавшее безъ церкви кладбище Петергофскаго гарнизона расположено въ 3 верстахъ отъ города на возвышенности, представляющей собою старинный „жалыникъ“. Какъ свободное мѣсто для погребенія, оно предоставлено частямъ лѣтъ 20—25 назадъ. Распланированное по участкамъ кладбище находилось на усмотрѣніи частей. Каждая часть заботилась о своемъ участкѣ и по своему содержала его. Однѣ части имѣли часовни, другія крестъ—памятникъ для своего участка, иные ничего не имѣли, кромѣ крестовъ на могилахъ.

Нерѣдко отпѣваніе воиновъ происходило въ этихъ часовняхъ и отсюда они уходили въ вѣчность, а бранные останки въ могилу.

Устройство храма на кладбищѣ было желательнымъ, болѣе—необходимымъ. И это желаніе исполнилось.

Инициатива въ дѣлѣ принадлежитъ Коменданту гор. Петергофа генералу отъ Инфантеріи *Паренсову*. Имъ изысканъ щедрый благотворитель, С.-Петербургскій купецъ *Иванъ Михайловичъ Михайловъ*, давшій средства на постройку храма.

Начатая въ минувшемъ году постройка церкви закончена къ 1-му іюня сего года. Храмъ—типичной формы Псковскихъ древнихъ храмовъ съ колокольней на западномъ фронтонѣ.

Не только на желавшихъ и ждавшихъ его, но и на посторонняго зрителя онъ производитъ весьма благоприятное впечатлѣніе. Храмъ гармонируетъ старому „жалынику“ и вызываетъ у всякаго то особенное чувство теплоты и благоговѣнія, какое вызываютъ храмы благочестивой старины. Внутреннее убранство храма можно назвать достигнутымъ. Храмъ благоустроенъ, благоукрашенъ и обезпеченъ.

Въ благоукрашеніи храма приняли участіе всѣ части гарнизона. Части сооружали престоль, жертвенникъ, иконы въ иконостасъ, хорутви, запрестольный крестъ и мн. друг. Церковь имѣть все до мелочей.

На средства благотворительницы графини *Н. Ѳ. Карловой* построены домъ для сторожа и устроены ворота на кладбище на каменныхъ столбахъ.

7-го іюня, наканунѣ освященія, въ новомъ храмѣ всенощное бдѣніе совершалъ старѣйшій въ гарнизонѣ, Протоіерей *Л.-Гв. Уланскаго Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны* полка о. *І. В. Смоленскій* въ сослуженіи духовенства изъ гарнизона и Благочиннаго 37-й дивизіи протоіерея о *Н. А. Крестовоздвиженскаго*.

Къ 9-ти часамъ утра, 8-го іюня, церковь начала наполняться гг. офицерами изъ гарнизонныхъ частей: много было и на кладбищѣ на участкахъ частей. Послѣ недѣльнаго дождя выглянуло солнце, какъ бы улыбаясь великому духовному торжеству. Кладбище было неузнаваемо: всюду цвѣты и окрашенные въ цвѣтъ частей однофасонные кресты. Въ началѣ 10-го часа прибылъ въ новоооруженную церковь Его Высокопреподобіе о. Протопресвитеръ, гдѣ и былъ встрѣченъ всѣмъ наличнымъ составомъ духовенства Петергофскаго гарнизона. Священникъ *Л.-Гв. Драгунскаго полка, о. А. Г. Цвѣтковъ* привѣтствовалъ о. Протопресвитера краткимъ словомъ, въ которомъ отмѣтилъ день освященія церкви въ жизни Петергофскаго гарнизона, какъ торжество вѣры и любви и исполненія надежды. „Любовь, говорилъ онъ, создала храмъ. Торжествуетъ спасительная вѣра, имѣя новое исключительное мѣсто единенія Бога съ человѣкомъ, и объединяя церковь земную и небесную, царствіе благодати и славы: богослуженіе въ новосозданномъ храмѣ огласитъ живыхъ на земли и „живыхъ о Христѣ“. То, что было не такъ давно думой вѣрующихъ сердецъ, что прежде желалось, то теперь есть. Надежда исполнилась“. Благодаря Его Высокопреподобіе за участіе въ духовномъ торжествѣ воинскихъ частей, онъ просилъ призвать благословеніе Божіе, на зиждителей храма, на имѣющихъ молиться въ немъ и на лежащихъ вокругъ почившихъ христіанскихъ воиновъ.

Освященіе храма о. Протопресвитеръ совершилъ въ сослуженіи прот. о. *І. В. Смоленскаго* и свящ. о. *А. Г. Цвѣткова*.

Послѣ Божественной литургіи при цѣлованіи креста въ рѣчи генералу отъ Инфантеріи *Паренсову* и строителю *Ив. Мих. Михайлову*, благодаря за великое дѣло построенія храма, о. Протопресвитеръ выяснилъ величіе самаго дѣла.

На состоявшемся затѣмъ завтракѣ были провозглашены здравицы за строителей, и особенно г. Михайлова, который не только построилъ храмъ, но изъявилъ свое согласіе и впредь благотѣльствовать ему въ званіи старосты.

Совершилось въ Петергофской гарнизонной семьѣ великое священное дѣло Божіе.

Новосозданный храмъ Воскресенія Христова навѣки утвердитъ имя его зиждителей.

Священникъ *А. Цвѣтковъ*.

Изъ Самары (Закладка храма при казармахъ 5-го Гусарскаго Александрійскаго, Ея Величества Государыни Императрицы Александры Θεодоровны полка).

12 июня сего 1913 года, съ благословенія Преосвященнѣйшаго Симеона, Епископа Самарскаго и Ставропольскаго и съ разрѣшенія о. Протопресвитера военнаго и морского духовенства о. Георгія Шавельскаго, на средства извѣстныхъ въ г. Самарѣ благотворителей супруговъ Елизаветы Ивановны и Андрея Андреевича г.г. Субботиныхъ была произведена закладка храма при казармахъ 5-го Гусарскаго Александрійскаго ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ΘЕОДОРОВНЫ полка для религіозно-нравственныхъ нуждъ названнаго полка и 5-го конно-артиллерійскаго дивизиона.

Къ 12-ти часамъ дня Гусарскій полкъ былъ построенъ шпалерами на всемъ пути слѣдованія крестнаго хода—отъ лагерной церкви и до мѣста закладки храма. Въ крестномъ ходѣ принимали участіе священники мѣстныхъ полковъ, священникъ г. Самары о. Кедровъ и протодіаконъ. Сопутствовали крестному ходу весь Гусарскій полкъ во главѣ съ командиромъ полка и г.г. офицерами, храмоздатель Андрей Андреевичъ Субботинъ, представитель отъ города и много другихъ начальствующихъ лицъ и богомольцевъ.

Предъ началомъ богослужебнаго чина на основаніе храма будущій его Настоятель, о. протоіерей Ершовъ, сказалъ живое, прочувствованное слово, объяснивъ все громадное значеніе для христіанина въ дѣлѣ его духовно-нравственной жизни храма Божія, а для христолюбиваго воинства въ особенности. Въ концѣ слова, обратясь къ храмоздателю А. А. Субботину, о. протоіерей отъ лица полка принёсъ сердечное русское спасибо ему и его супругѣ, которые такъ близко приняли къ сердцу религіозную нужду христолюбиваго воинства и на свои иждиленія рѣшили построить великолѣпный храмъ для полка. Въ немъ будутъ непрестанно возноситься къ престолу Всевышняго молитвы о здравіи и благоденствіи Е. И. и А. А. Субботиныхъ со чадами. Поистинѣ счастливы тѣ люди, которые при жизни не зарываютъ Богомъ данныхъ имъ талантовъ, а по заповѣди Господней употребляютъ ихъ на благо и просвѣщеніе народа.

Въ концѣ молебствія, послѣ многолѣтня, особая депутація отъ нижнихъ чиновъ полка поднесла А. А. Субботину въ память о свѣтломъ торжествѣ и въ благословеніе высокой художественной работы икону небеснаго покровителя полка Св. Благовѣрнаго Вел. Князя Александра Невскаго, въ честь и прославленіе коего создается и самый храмъ. На обрат. сторонѣ иконы надпись: „Высокоочтимымъ Андрею Андреевичу и Елизаветѣ Ивановнѣ Субботинымъ отъ нижнихъ чиновъ 5-го Гусар. Александрійскаго Ея Императорскаго Велич. Государыни Императрицы Александры Θεодоровны полка—въ благодарную память о радостномъ и свѣтломъ торжествѣ закладки полкового храма“. Поднесеніе иконы—растрогало до глубины души скромнаго Андрея Андреевича. Чувства своей искренней признательности нижнимъ чинамъ за драгоцѣнный даръ Субботинъ выразилъ въ немногихъ, но горячихъ словахъ, выразивъ надежду, что въ непродолжительномъ времени онъ вмѣстѣ съ полкомъ будетъ молиться въ новосозданномъ храмѣ.

Послѣ совершенія закладки храма — всѣ присутствующіе были гостеприимно приглашены г. Командиромъ полка и гг. офицерами откупать хлѣба-соли въ полковое офицерское собраніе.

Священникъ *Іоаннъ Сергіевскій*.

Отъ Редакціи.

I.

Вновь поступило на составленіе капитала имени о. протоіерея *А. А. Ставровскаго*: отъ благоч. свящ. *В. Румянцева*—3 руб., а всего съ прежде пожертвованными **девятьсотъ соронь одинъ (941) руб. 50 к.**

II.

Поступило въ пользу вдовы священника *П. В. Миловидовой*: отъ благоч. прот. *А. Измайлова*—3 р.; отъ благоч. свящ. *В. Румянцева*—3 руб. отъ свящ. *Виктора Яницкаго*—2 руб.; а всего съ прежде поступившими—**триста двадцать восемь (328) руб. 80 коп.**

№ 13—14 „Вѣстника“ сданъ на почту **29 іюня**.

Редакторъ, прот. **Евгеній Запольскій**.

СОДЕРЖАНІЕ.

Часть официальная: Награды.—Приказы по военному вѣдомству.—Распоряженія о. Протопресвитера.—**Часть неофициальная:** Къ юбилею Царствующаго Дома Романовыхъ. Царствованіе Государя Императора Николая Александровича.—Жизнь и смерть.—Цѣнность человѣческой жизни.—Мысли о религіозно-нравственномъ воспитаніи воинскихъ чиновъ. Свящ. *И. Островскаго*.—Изъ внутренней жизни дисциплинарныхъ баталіоновъ. Ктитора *К. Сувоватаго*.—Письмо изъ дисциплинарнаго баталіона.—Явленіе умершаго офицера въ чудесн. сновидѣніи. *Т. Иванцкаго*.—Два Рождества и двѣ Пасхи (окончаніе). Свящ. *Н. Рождественскаго*.—Возраженіе на „четвертое письмо“ строевого капитана. Свящ. *М. Радугина*.—По поводу писемъ строевыхъ капитана и полковника.—Свящ. *В. Цѣлицо*.—Военные священники. *Θ. Судьбинина*.—**Изъ періодической печати.**—**Хроника.**—Обозрѣніе о. Протопресвитеромъ церквей крѣпости Свеаборгъ. Прот. *В. Ягодина*.—Обозрѣніе о. Протопресвитеромъ военныхъ церквей Варшавскаго Округа. Свящ. *Н. С-каго*.—**Корреспонденціи.** Изъ Петергофа. Свящ. *А. Цвѣткова*.—Изъ Самары. Свящ. *І. Сергіевскаго*. **Отъ редакціи. Объявленія.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Поставщикъ Двора Его Величества.

ФАБРИКАНТЪ

И. Жевержеевъ.

Спб. Гостинный Дворъ, Перинная линія, № 5 и 6.

Адресъ для телегр.: Петербургъ—Жевержееву.

Настоящимъ имѣю честь довести до свѣдѣнія моихъ уважаемыхъ заказчиковъ, что, благодаря громадному требованію юбилейныхъ знаковъ для духовенства въ память 300 лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ, мнѣ представилась возможность вполне усовершенствовать это производство, а поэтому, исполнивъ многочисленные заказы, позволяю себѣ вновь предложить юбилейные знаки безусловно исполненные съ присвоенными лентами, приспособленными для ношенія знаковъ на груди, по лѣтамъ: серебряные 88 пр. вызолоченые съ настоящей огневой эмалью 4 р. 60 к., лучшей работы 9 руб., тоже, съ настоящимъ жемчугомъ 15 руб. золотые 56 пр. съ настоящей эмалью 30 руб., массивные 40 руб., тоже съ настоящимъ жемчугомъ 60 руб., тоже 72 пр. съ жемчугомъ 75 руб., бронзовые вызолоченые съ настоящей эмалью 3 руб., медали въ память 300 лѣтія бронзовые вызолоченые лучшей работы 75 коп.; медали въ память 25 лѣтія церковно-приходскихъ школъ серебряныя 84 пр. 1 р. 50 к. академическіе юбилейные знаки въ память 100 лѣтія СПВ. Духовной Академіи 6 р. 50 к. При оптовыхъ покупкахъ и для складовъ дѣлается скидка.

Кресты наперсные, новаго синодскаго образца

Серебряные 84 пр.: вызолоченые № 359—6 р., № 360—9 р.; съ рельефнымъ распятіемъ № 361—17 р.; № 362—25 р.; № 363—35 р.; съ золотой верхней пластинкой и распятіемъ № 364—60 р.; № 365—75 р.

Золотые 56 пр. съ рельефнымъ распятіемъ № 366—120 р.; № 367—150 р. № 368—175 р.; № 369—200 руб.

Цѣпи синодскаго образца къ крестамъ

№ 370 Серебряныя 84 пр. вызолоченыя 4. 50, тоже удлиненыя 7 р. 50 к.: 10 р., 14 р., 18 р.

№ 371 Золотыя 56 пр. разныхъ цѣвъ—отъ 115 до 175 руб.

Кресты юбилейные для подношеній съ украшеніями безъ камней

№ 372 Серебряные 84 пр. вызолоченые разныхъ цѣвъ отъ 75 до 125 руб

№ 373 Золотые 56 пр. разныхъ цѣвъ отъ 150 до 300 руб.

Кресты для подношеній имѣющимъ отъ Кабинета Его Величества съ украшеніями

№ 374 Серебряные 84 пр. вызолоченые украш. настоящ. камн., 100, 150 и 200 р.

№ 375 Золотые 56 пр.: украшен. настоящ. камн. отъ 150 до 500 р. и дороже

Цѣпи къ юбилейнымъ крестамъ

№ 376 Серебряныя 84 пр. вызолоченыя отъ 10 до 35 руб.

№ 377 Золотыя 56 пр. отъ 80 до 200 руб.

Для подношеній

Большой выборъ образовъ, панагій, крестовъ и пр.

Изготовленіе парчи, облаченій, церковной утвари и полное оборудованіе храмовъ иконостасами, ризницей и утварью.

Фабрика парчи и церковной утвари—С.-Петербургъ.

Типографія „Сельскаго Вѣстника“, Спб., Мойка, 32.

